

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Гуманитарно-педагогический институт

(наименование института полностью)

Кафедра

«Русский язык, литература и лингвокриминалистика»

(наименование)

45.04.01 Филология

(код и наименование направления подготовки / специальности)

Лингвистическая экспертиза

(направленность (профиль) / специализация)

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
(МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)**

на тему

Особенности функционирования метафоры в телеграм-канале Д.А. Медведева

Обучающийся

А.М. Кондрашина

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Научный

руководитель

д-р филол. наук, доцент М.Г. Соколова

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2025

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Теоретические аспекты исследования метафоры в политических текстах	9
1.1 Сущность и структура понятия метафоры, типология метафоры в современной лингвистике	9
1.2 Общая характеристика сферы политической коммуникации	20
1.3 Подходы к изучению политической метафоры в современной лингвистике	27
Глава 2 Функционирование метафоры в телеграм-канале Д.А. Медведева ...	41
2.1 Особенности телеграм-канала Д.А. Медведева как сферы функционирования политической метафоры.....	41
2.2 Языковая репрезентация метафорических моделей в телеграм-канале Д.А. Медведева	47
2.3 Реализация инвективной стратегии метафорическими моделями в телеграм-канале Д.А. Медведева.....	54
Заключение	65
Список используемой литературы и используемых источников.....	69

Введение

Разрабатываемая магистерская диссертация посвящена проблеме изучения особенностей функционирования метафоры в телеграм-канале Д.А. Медведева.

Актуальность исследования обусловлена важностью метафоры в политической коммуникации в качестве мощного средства воздействия и убеждения, позволяющего не только описывать реальность, но и формировать к ней особое отношение у аудитории. В связи с этим особую значимость приобретает телеграм-канал Д.А. Медведева как форма реализации политического дискурса в цифровой среде, в которой доминируют образные, экспрессивные и инвективные языковые средства. Высказывания Д.А. Медведева являются уникальным материалом для изучения особенностей функционирования метафорических конструкций в политическом тексте, а также для выявления риторических приемов лидера и механизмов влияния на общественное мнение.

Степень научной разработанности проблемы. В настоящее время проблема изучения метафоры в политическом дискурсе является одной из самых активно разрабатываемых в современной лингвистике. Анализ функционирования метафоры в политическом дискурсе основывается на общетеоретических исследованиях сферы политической коммуникации, представленных в работах таких авторов, как Н.Б. Зазаева [28], С.В. Кузьмина [36], О.Л. Михалёва [46], Р.В. Патюкова [54], О.В. Рассинская [55], А.Ю. Суворова [62], И.Е. Тимерманис [64]-[65], З.Ф. Хубецова [67], Ф.И. Шарков [74] и другие. Описание особенностей политической метафоры представлено в работах А.Н. Баранова [7], Э.В. Будаева [12]-[13], А.Б. Елизарова [26], Ю.Н. Караулова [7]-[8], И.М. Кобозевой [35], П.П. Лобас [41], А.П. Чудинова [69], [71], М.Л. Landau, L.A. Keefer [78] и других. Их авторы раскрывают типы политических метафор [8], в том числе окказионализмов [26]; функции метафоры и ее значимость в

политической коммуникации [7], [69], [71]; описывают убеждающую и манипулятивную силу политической метафоры [41], [78]; гендерные особенности и их влияние на политическую метафору [17]. Однако наблюдается недостаточная степень изученности метафорических моделей в современном российском политическом медиадискурсе на материале телеграм-каналов. Обращение к телеграм-каналу Д.А. Медведева позволяет восполнить этот пробел и выявить новые тенденции в употреблении метафоры как речевого средства в актуальном цифровом политическом пространстве.

Объект исследования – функционирование метафоры в политическом дискурсе.

Предмет исследования – языковая репрезентация метафорических моделей в телеграм-канале Д.А. Медведева.

Цель исследования – выявить особенности языковой репрезентации и функционирования метафорических моделей в политических текстах Д.А. Медведева.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. На основе анализа и обобщения лингвистической литературы охарактеризовать сущность и структуру понятия метафора, выявить типологию метафоры в современной лингвистике.

2. Дать общую характеристику сферы политической коммуникации и выявить особенности текстов данной сферы.

3. Провести анализ состояния проблемы изучения политической метафоры.

4. Отобрать из публикаций телеграм-канала Д.А. Медведева примеры употребления языковых и окказиональных метафор.

5. Выявить метафорические модели и языковые средства их репрезентации в телеграм-канале Д.А. Медведева.

6. Определить особенности метафорической реализации инвективной стратегии в телеграм-канале Д.А. Медведева.

Теоретико-методологическую основу исследования составили научные труды отечественных и зарубежных ученых в области:

1) изучения сущности метафоры (А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов [7], Т.В. Жеребило [27], Э. Кассирер [32], И.М. Кобозева [35], Г.Н. Складневская [59] и другие);

2) структурно-семантического и лингвокогнитивного подходов к типологии метафоры в современной лингвистике (Н.Д. Арутюнова [6], Э.В. Будаев [16]-[17], В.П. Москвин [48], Х. Ортега-и-Гассет [53], А.П. Чудинов [71], G. Lakoff, M. Johnson [77] и другие);

3) функционирования языковых средств в политической коммуникации (В.М. Бебик [9], Н.Б. Зазаева [28], С.В. Кузьмина [36], О.В. Рассинская [55], А.Ю. Суворова [62], И.Е. Тимерманис [64]-[65], З.Ф. Хубецова [67], А.П. Чудинов [70], Ф.И. Шарков [74] и другие);

4) изучения политической метафоры в современной лингвистике (С.А. Анисимова [5], А.Н. Баранов [7], Э.В. Будаев [13], О.А. Климова [33], П.П. Лобас [41], О.Л. Михалёва [46], Е.Ю. Стратийчук [61], А.П. Чудинов [71] и другие).

В работе использовались следующие методы исследования: 1) анализ существующих лингвистических подходов и теоретических положений для формирования методологической базы исследования; 2) структурно-семантический анализ метафорических конструкций, описание и классификация метафорических моделей, их типологизация.

Материалом для исследования послужили тексты из официального телеграм-канала Д.А. Медведева. Выборка материала осуществлялась в период с 2022 по 2025 гг.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем представлен комплексный анализ особенностей функционирования метафор в публикациях телеграм-канала Д.А. Медведева, в результате которого удалось выявить и систематизировать: метафорические модели, используемые в актуальном политическом медиадискурсе; языковые средства их

репрезентации; основные функции метафоры в реализации инвективной стратегии.

Теоретическая значимость исследования состоит в детализации современных представлений о метафоре как средстве оценочного воздействия в политическом медиадискурсе, а также в расширении теоретических основ изучения инвективной стратегии в цифровой коммуникации.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в практике преподавания медиалингвистики, политической коммуникации, лингвистики инвективы, а также в разработке спецкурсов и практических занятий по анализу политического дискурса в цифровой среде. Результаты работы представляют практическую ценность для специалистов в области журналистики, аналитики медиаконтента, лингвистической экспертизы и могут применяться при оценке эффективности образных и инвективных средств в публичных коммуникациях.

Личное участие автора в организации и проведении исследования состоит в осмыслении особенностей функционирования метафоры в политических текстах Д.А. Медведева; в отборе и анализе материала исследования; в подготовке докладов и публикаций по выполненной работе; в оформлении полученных результатов.

Апробация результатов работы проходила в виде выступлений с докладами на следующих научно-практических конференциях:

- «Молодежь. Наука. Общество» в рамках секции «Отечественная филология (русский язык)» (Тольятти, 18-22 декабря 2023 г.);
- «Студенческие Дни науки в ТГУ» в рамках секции «Русский язык и литература», подсекции «Русский язык» (Тольятти, 1-30 апреля 2024 г.);
- I Национальная междисциплинарная научно-практическая конференция «Социальные коммуникации в цифровую эпоху» (Тольятти, 28-29 ноября 2024 г.);
- «Студенческие Дни науки в ТГУ» в рамках секции «Русский язык и литература», подсекции «Русский язык» (Тольятти, 1 апреля-16 мая 2025 г.).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Метафора в политическом медиадискурсе, в частности в телеграм-канале, выступает ключевым инструментом реализации прагматической стратегии, сочетающей формирование негативного образа оппонента и консолидацию целевой аудитории.

2. В телеграм-канале Д.А. Медведева преобладают антропоморфные, зооморфные метафорические модели, а также метафоры болезни и смерти, которые получают многочисленные конкретные языковые репрезентации в метафорических образах, имеющих негативную эмоциональную окрашенность и деструктивную социальную оценочность.

3. Инвективные метафоры в телеграм-канале Д.А. Медведева направлены преимущественно в адрес внешних политических оппонентов и реализуют речевые тактики высмеивания, угрозы, прямого и косвенного оскорбления.

Структура магистерской диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, содержит одну таблицу и список используемой литературы (80 источников). Основной текст работы изложен на 75 страницах.

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, определяются объект, предмет, цель, выдвигается гипотеза и формулируются задачи работы, характеризуются научная новизна, теоретическая и практическая значимость результатов исследования.

В первой главе «Теоретические аспекты исследования метафоры в политических текстах» раскрывается сущность и структура понятия метафора; представляется классификация и функции метафор в лингвистических трудах; дается общая характеристика сферы политической коммуникации и особенностей текстов данной сферы; рассматриваются различные аспекты изучения политических метафор в современном политическом дискурсе.

Во второй главе «Функционирование метафоры в политических текстах Д.А. Медведева» определяются основные виды метафорических моделей и их языковая репрезентация в текстах Д.А. Медведева; выявляется реализация

инвективной стратегии метафорическими моделями в политических текстах Д.А. Медведева.

В заключении представлены основные результаты поставленных задач исследования и сделаны обобщающие выводы.

Основные результаты исследования представлены в следующих публикациях:

1. Кондрашина А.М. Языковые репрезентанты антропоморфной модели метафоры в политических текстах Д.А. Медведева // «Молодежь. Наука. Общество» : Всероссийская студенческая научно-практическая междисциплинарная конференция (Тольятти, 18-22 декабря 2023 г.) : сборник студенческих работ / отв. за вып. С.Х. Петерайтис. Тольятти : Издательство ТГУ, 2024. С. 483–487.

2. Кондрашина А.М. Зооморфная метафора в репрезентации образа оппонента в политических текстах Д.А. Медведева // Студенческие Дни науки в ТГУ : научно-практическая конференция, Тольятти, 1-30 апреля 2024 г. : сборник студенческих работ / отв. за вып. С.Х. Петерайтис. Тольятти : Издательство ТГУ, 2025. С. 244–248.

3. Кондрашина А.М. Метафорика цифровой агрессии в Telegram-канале Д.А. Медведева // Социальные коммуникации в цифровую эпоху: Сборник тезисов I Национальной междисциплинарной научно-практической конференции, Тольятти, Тольяттинский государственный университет, 28-29 ноября 2024 г. М. : Спутник +, 2025. С. 94–96.

4. Кондрашина А.М. Метафорические инвективы в Telegram-канале Д.А. Медведева // Студенческие Дни науки в ТГУ : научно-практическая конференция, Тольятти, 1 апреля – 16 мая 2025 г. : сборник студенческих работ / отв. за вып. С.Х. Петерайтис. Тольятти : Издательство ТГУ, 2025. В печати.

Глава 1 Теоретические аспекты исследования метафоры в политических текстах

1.1 Сущность и структура понятия метафоры, типология метафоры в современной лингвистике

В современном мире метафора является неотъемлемой частью нашего сознания и мышления, с помощью которой мы понимаем и осмысливаем мир. На сегодняшний день метафора пронизывает все сферы коммуникации и, как следствие, присутствует во всех видах дискурса. В связи с чем отмечается непрекращающийся интерес лингвистов к изучению природы данного языкового явления. Впервые на нее обратил внимание Аристотель, который понимал под метафорой фигуру речи, используемую для украшения текста. Спустя некоторое время, о метафоре заговорили в философских работах: Фридрих Ницше в своих научных трудах сделал акцент на роли метафоры в познании, рассматривая ее как языковую модель, формирующую наше восприятие мира [52, с. 254]. Его идея о метафоричности всех истин привела к пониманию гносеологической роли метафоры.

В настоящее время активно развиваются два основных подхода к изучению метафоры: структурно-семантический и лингвокогнитивный (Н.Д. Арутюнова [6], Э.В. Будаев [14]-[16], В.П. Москвин [48], Х. Ортега-и-Гассет [53], Г.Н. Складеревская [59], В.Н. Телия [63], А.П. Чудинов [71], G. Lakoff, M. Johnson [77]). В существующих определениях метафоры в лексикографических источниках отмечается прежде всего понимание ее как тропа, основанного на механизме семантического переноса значения. В словаре А.П. Евгеньевой рассматриваемое понятие звучит следующим образом: «метафора – это употребление слова или выражения в переносном значении, основанное на сходстве, сравнении, аналогии, а также слово или выражение таким образом употребленное» [60, с. 259].

Согласно лингвистическим словарям, «метафора (от греч. *μεταφορά* – перенос) – это троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова,

обозначающего некоторый класс предметов или явлений для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [31, с. 233], [40, с. 296].

Согласно словарям лингвистических терминов, метафора это «самый распространённый и значимый троп, состоящий в переносном употреблении слов и выражений на основе сходства сопоставляемых явлений» [44]. Также под метафорой понимается «перенос названия с одного предмета (явления, действия, признака) на другой на основе их сходства» [27, с. 192], при этом с точки зрения стилистической окраски и использования в языке они «делятся на три группы: утратившие образность: *ручка двери*; сохраняющие в языке образность: *бисерный почерк* и авторские, индивидуально-стилистические метафоры: «*Улыбкой ясною природа сквозь сон встречает утро года*» [27, с. 192].

В.П. Москвин в одном из своих исследований трактует термин «метафора» как в узком, так и в широком значении. В узком значении «метафора – это перенос по сходству, который можно отличить от метонимии по общему признаку между переносным и прямым значением слова» [48, с. 18]. Если же рассматривать метафору в широком значении – это более краткое, скрытое сравнение [48, с. 18].

Говоря о понятии метафоры, нельзя не отметить И.М. Кобозеву, которая расширяет понятие данного термина и включает в него «все образные построения, имеющие в качестве когнитивной основы уподобление объектов, относящихся к разным областям онтологии, или типам» [35, с. 132-149]. Ключевое когнитивное свойство метафоры – уподобление или составление понятий, не имеющих прямой связи в единой системе знаний. Автор также подчеркивает, что в метафоре взаимодействуют две разные понятийные сферы, которые не ограничиваются пределами одной понятийной структуры, что отличает ее от иных видов тропов.

В своей работе Э. Кассирер дает определение метафоре и разделяет ее на современную индивидуальную и древнюю метафору. Современная метафора, по Э. Кассиреру, – это «сознательный перенос слова с одного объекта на другой», использующийся автором для придания тексту экспрессивности. Корни же древней метафоры глубоко уходят в истоки языка. В отличие от современной, древняя метафора – это не сознательный акт, а фундаментальный когнитивный механизм, который происходит «из необходимости освоить внешний мир, познать и осмыслить его, постигнуть и назвать его реалии» [32, с. 33-43].

Процесс создания метафоры Э. Кассирер сравнивает со «снятием внутреннего напряжения», с выражением душевных переживаний человека через звук языка или мифологические образы [32, с. 33-43].

Семантические механизмы, лежащие в основе порождения метафоры как лексической единицы, описаны в работах Г.Н. Складневской [59]. В основе этого механизма находится понятие «символ метафоры». Данный термин, представляет собой как отдельно взятую сему, так и их совокупность, которые в прямом значении слова относятся к ассоциативным смысловым единицам (коннотациям), а в метафорическом значении могут преобразовываться в разряд денотативных сем. Следовательно, ассоциативный признак слова является центральным смысловым элементом в метафоре. Например, в слове «*лиса*» признак «*хитрость*» «не входит в денотативное ядро, а лишь отражает некое приписываемое человеком этому животному качество». В данном случае сема «*хитрость*» становится основным смысловым признаком, определяющим его семантику и денотат. Под символом метафоры следует понимать «элемент семантики, состоящий либо из одной семы, либо из совокупности сем, который в исходном номинативном значении относится к сфере коннотации, а в метафорическом значении входит в денотативное содержание в качестве ядерных (дифференциальных) сем и служит основанием смысловых преобразований в процессе метафоризации» [59].

Кроме того, «символ метафоры» позволяет разграничить типы метафор. В языковой метафоре этот символ характеризуется наличием «образного элемента значения, обеспечивающего целостное восприятие сравниваемых сущностей, что дает возможность при их ассоциировании не прибегать каждый раз к логическим операциям» [59]. Художественные же метафоры напротив, строятся на более свободных и нестандартных сравнениях, которые создают «впечатление семантической аномалии». Разница между данными видами метафор проявляется в их степени свободы – если в языковой метафоре более устойчивы и стабильны, то в художественных «более свободны и не канонизированы» [59].

Термин «метафора» также используется в лингвокогнитивном подходе. В соответствии с данным подходом метафора выступает как единица языка и мышления. Авторы теории концептуальной метафоры G. Lakoff и M. Johnson [77] выяснили, что в процессе метафоризации основную роль играют две структуры: структура «источника» (*source domain*), которая более конкретна и привычна, и структура «цели» (*target domain*), которая часто является абстрактной. Благодаря этому взаимодействию абстрактные понятия становятся более понятными и структурированными. Примером метафорической проекции служит метафора «народ/общество [цель] – это стадо». Выражения такого типа (например, *«мы вновь являемся лишь бессловесным стадом для губительных игр верхов»*) акцентируют внимание адресата на идее «несамостоятельности, пассивности», которая присуща когнитивной структуре стада [77, с. 2-247]. Здесь проекция показывает, что общество, как и стадо, зависит от внешнего управления и направляется извне.

Тезис об «однаправленности» метафорической проекции, предложенный когнитивной теорией метафоры, предполагает, что проекция идет от более конкретной структуры к более абстрактной. Однако, как отмечает автор, данный тезис подвергся критике, так как примеры обратной проекции очевидны, особенно в политическом дискурсе. В русском языке политиков нередко представляют в терминах родственных отношений:

выражения типа «дедушка Ленин», «отец народов», «Горбачев – дитя партийного аппарата» показывают, что абстрактные концепты (Ленин, партия) могут описываться через конкретные образы родственников. Это противоречит однонаправленности, так как здесь не всегда более конкретная структура описывает более абстрактную [77, с. 2-247].

Существуют метафоры, которые не только структурируют цель, но и переструктурируют ее. Здесь происходит не просто привнесение черт источника, а переструктурирование уже существующей структуры цели, что добавляет новые характеристики и изменяет восприятие области цели. В таких случаях новое знание создается благодаря профилированию свойств источника, которые не были ранее выражены в области цели.

С появлением когнитивной лингвистики метафору впервые стали рассматривать в качестве инструмента познания. Э.В. Будаев описывает метафору как «основную ментальную операцию, способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира» [15].

Автор также проводит параллель между метафорой и отражением речевого общения. Такой подход позволяет «изучить метафору с точки зрения социальной функции когнитивных процессов и их влияния на речевую коммуникацию», при этом такие метафоры рассматриваются «не только как статичные элементы национального сознания, но и как динамичные индикаторы социально-политических изменений, которые отражают общественные ценности» [16, с. 28-32].

Метафора, как инструмент мышления, обладает фундаментальной двойственностью, которая заключается в ее способности одновременно служить средством выражения и средством познания. Данный троп необходим нам «не только для того, чтобы, благодаря полученному наименованию, сделать нашу мысль доступной для других людей; она необходима нам самим для того, чтобы объект стал доступен нашей мысли» [53, 68-81]. Метафора выступает не просто фигурой речи, а активным участником когнитивного процесса, который требует осознанного использования и понимания. Для того,

чтобы ее эффективно использовать как инструмент познания, необходимо осознавать ее двойственность. Метафора формирует мышление, делая сложные концепции доступными: «она необходима нам самим для того, чтобы объект стал доступен нашей мысли» [53, 68-81]. Следовательно, метафора является не только средством выражения, но и важным орудием мышления, которое помогает нам исследовать самые сложные и отдаленные понятия.

В рамках когнитивного направления изучения метафоры разрабатывается понятие метафорической модели. Отечественный лингвист А.Н. Баранов в своей дескрипторной теории рассматривает метафору, как процесс проекции свойств с одного объекта (источника) на другой (цель). Эта проекция осуществляется с помощью специально отобранных словосочетаний, которые автор называет семантическими дескрипторами. Согласно лингвисту, выделяются два вида дескрипторов: сигнификативные, состоящие «из слов или словосочетаний, являющихся понятиями из различных семантических полей» и денотативные, состоящие «из слов или словосочетаний, называющих социальные и политические феномены» [7, с. 150-155]. Взаимодействие дескрипторов образует метафорическую модель (М-модель), которая, по мнению автора, представляет собой тематические группы ключевых слов, способные структурировать и подвергать анализу различные политические метафоры. А.Н. Баранов также указывает на «свойство метафор подсказывать, настраивать, наводить на определенный тип решения и поведения» [7, с. 150-155].

Продолжая тему понятия метафорической модели необходимо обратиться к работам А.П. Чудинова. Согласно А.П. Чудинову, метафорическая модель – «это существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами» [71, с. 70-72]. Автор конкретизирует, что метафорическая модель состоит из трех основных компонентов:

- сферы – источника, то есть области прямых значений единиц, формирующих модель;

– сферы – мишени, то есть область переносных значений соответствующих единиц;

– компонент, связывающий первичные и метафорические смыслы.

В когнитивистике важную роль играют ингерентные свойства сознания, которые «являются неотъемлемой частью когнитивных процессов человека: к таким относятся нарратизация, отбор, серийность» [15]. По своей сути вышеперечисленные процессы тесно связаны с метафорой. Более подробно этот вопрос изучал Дж. Джейнс, который утверждал, что «всё в нашем сознании получает пространственное измерение, без которого мы не можем что-нибудь осмыслить. Мысль имеет связь с конкретными действиями в конкретном мире» [15]. Поэтому, чтобы человек мог лучше осмыслить взаимосвязь между временем и сознанием, ему необходимо представить их как пространственные объекты через метафору.

Метафоризация в когнитивной лингвистике – это процесс переноса свойств одной структуры на другую, что позволяет структурировать абстрактные понятия. Однако концепция однонаправленности имеет свои ограничения, и примеры обратных проекций, особенно в политическом дискурсе, иллюстрируют гибкость метафорического мышления. Метафоры не только упрощают понимание, но и позволяют переосмысливать сложные идеи, выполняя когнитивную функцию создания нового знания.

В рамках современной лингвистики наличие классификации у метафор в различных видах дискурса является общепринятым. Вопросом классификации метафор занимались как отечественные лингвисты (Н.Д. Арутюнова [6], И.М. Кобозева [34], В.П. Москвин [48]), так и зарубежные (G. Lakoff, M. Johnson [77]). Рассмотрим каждую из них.

Согласно Н.Д. Арутюновой [6, с. 366], можно выделить следующую классификацию метафор:

– номинативная метафора (перенос названия), состоящая в образном обозначении какого-либо понятия или явления;

– образная метафора, «рождающая вследствие перехода идентифицирующего значения в предикатное и служащая развитию фигуральных значений и синонимических средств языка» [6, с. 366];

– когнитивная метафора, являющаяся средством субъективной оценки объекта действительности;

– генерализующая метафора, «стирающая в лексическом значении слова границы между логическими порядками и стимулирующая возникновение логической полисемии» [6, с. 366].

Классификация И.М. Кобозевой подразумевает разделение метафор на две основные категории: лексикализованные (или мертвые, застывшие) и живые. Различие между ними определяется степенью их образности и наличием семантической двойственности [34, с. 41-46].

Лексикализованные метафоры прочно закрепились в языке и уже не вызывают ассоциаций с исходной метафорической основой (*политическая арена, рыночный механизм*). В отличие от них, у живых метафор активизируется когнитивный процесс переосмысления понятия (детоната). Внутри группы живых метафор можно выделить традиционные и креативные метафоры. В первом случае метафоры используют уже устоявшиеся ассоциативные связи, а во втором случае метафоры прокладывают новые ассоциативные «дорожки», поэтому считаются более выразительными и запоминающимися [34, с. 41-46].

Однако для настоящего исследования наиболее полной и подходящей является классификация, предложенная В.П. Москвиным. Она опирается на пять ключевых параметров, позволяющих систематизировать огромное количество метафор:

– тематические метафоры, основанные на характере сравнения: «антропоморфная метафора – с человеком, зооморфная (или анималистическая) – с животными, флористическая – с растением, а пространственная опирается на сравнение объекта с какой-либо частью или измерением пространства» [48, с. 112];

– семантические метафоры, группировка которых осуществляется по их значению (например, метафоры, обозначающие тот или иной цвет, метафоры смерти, количественные метафоры);

– функциональные метафоры, которые подразделяются на номинативные (создание новых терминов), пояснительные (облегчение понимания сложных идей), оценочно-характеризующие (выражение отношения к описываемому) и декоративные (придание речи выразительности и образности);

– структурные метафоры, которые основываются на количестве слов и принимают непосредственное участие в создании метафорического образа – простые метафоры (одно слово) и развернутые метафоры (группа слов, образующая целостный образ). Последние в свою очередь могут быть дифференцированы в зависимости от количества ключевых слов;

– контекстуальные метафоры: классификация по степени сравнения внутри контекста. Если в метафоре содержится как «объект, так и субъект сравнения (ключевое слово), она является замкнутой (метафора-сравнение). Если же субъект сравнения опущен, присутствует «широкий контекст, подсказывающий смысл слова-носителя метафоры», то в таком случае мы можем называть эту метафору метафорой-загадкой, незамкнутой метафорой или симфорой» [48, с. 112].

Поскольку метафоры обладают двуплановостью «в одновременном указании на основной и вспомогательный субъекты образного сравнения» [48, с. 112], их принято классифицировать по основному и вспомогательному субъектам.

Также автор выделяет стертые метафоры, «которые находятся в процессе утраты смысловой двуплановости и внутренняя форма которых ощущается уже не всеми носителями языка» [48, с. 134].

В частности, в рамках семантической классификации В.П. Москвин выделяет виды метафор: «анималистическая (зооморфная) метафора, которая основывается на сравнении с животным миром; антропоморфная

(антропоцентрическая) метафора, в основе которой происходит сравнение неодушевленных объектов или животных с человеком и пространственная (ориентационная) метафора, основанная на сравнении с пространственными характеристиками для описания временных отрезков» [49, с. 56-74].

Благодаря структурной классификации метафор, которую еще называют формальной, фокус внимания перемещается на языковую форму метафоры (на то, как она выражена). В зависимости от уровня языковой единицы, метафоры разделяются на словесные, фразовые и текстовые. По количеству единиц, образующих метафорический образ, выделяют простые (одночленные) и развернутые (многочленные) метафоры [49, с. 56-74].

Опорой функциональной классификации метафор выступает их коммуникативная цель. С точки зрения данного подхода необходимо понимать для чего метафора используется в конкретном контексте. В зависимости от этой цели В.П. Москвин выделяет типы метафор: номинативная метафора, «используемая для наименования новых понятий и явлений»; оценочная метафора, которая «чаще всего употребляется для оценивания человеческой внешности или определенных качеств» и декоративная метафора, «служащая средством эстетического отражения действительности и украшения речи» [49, с. 56-74]. Классификация В.П. Москвина представляет собой многоуровневую систему, которая учитывает семантические, структурные и функциональные аспекты метафор, подчёркивая важность контекста и его понимания.

И, наконец, классификация, которую создали G. Lakoff и M. Johnson. Авторы выделяют всего два типа метафор:

- онтологические метафоры, «позволяющие видеть события, действия, эмоции, идеи и так далее, как некую субстанцию (*the mind is an entity, the mind is a fragile thing*)» [77, с. 2-247];

- ориентированные (ориентационные) метафоры, «не определяющие один концепт в терминах другого, но организующие всю систему концептов в

отношении друг к другу (*happy is up, sad is down; conscious is up, unconscious is down*)» [77, с. 2-247].

Однако, существующие классификации метафор часто оказываются неполными, что сказывается на неспособности определения метафорического выражения. Так, например, в рамках классификации А.П. Чудинова, существуют такие примеры метафор, которые не поддаются систематизации. Эти метафоры принято называть метафорами ирреальности. Они служат для обращения к вымышленному миру и «относятся к потусторонним, сказочным, несуществующим персонажам и идолам, событиям и явлениям», поэтому требуют выделения в отдельную группу [33, с. 149-156].

В отличие от устоявшихся классификаций метафор, выделяют и индивидуально-авторские метафоры, которые отражают «не коллективное, а личностное видение и понимание действительности», предлагая новые способы сопоставления реалий и обогащая слово уникальными коннотациями. При этом, создавая свой индивидуальный образ, автор должен учитывать существующие в сознании носителей языка ассоциации, связанные с используемыми словами [66, с. 109-112].

С целью привлечения внимания читателя, авторы стремятся использовать в своих текстах яркие и индивидуально созданные образы. Для таких случаев существует еще один вид метафоры, которая называется окказиональной. По Л.А. Аверкиной и В.Н. Базылеву, окказиональная метафора – это «метафора, не соответствующая общепринятому употреблению, характеризующаяся авторским стилем, обусловленная специфическим контекстом употребления; случайная, редкая». Авторы отмечают, что такая метафора «возникает в конкретном месте и отличается яркой экспрессивностью, способной вызвать у читателя эффект «культурного шока» [3, с.135-136].

По мнению зарубежного исследователя Р. Newmark, существуют оригинальные метафоры, которые представляют собой индивидуально авторские образования и обладают следующими функциями: оригинальная

метафора «отражает индивидуальный стиль и личность автора», а также «способствует обогащению словарного запаса» [80, с. 290].

Таким образом, метафора – это не просто стилистический прием, а когнитивный механизм, который позволяет осмыслять и структурировать сложные понятия через уподобление с более конкретными и знакомыми объектами, обогащая язык и углубляя наше понимание действительности. Современные исследования метафоры развиваются в рамках двух основных направлений: структурно-семантического и лингвокогнитивного. В рамках структурно-семантического подхода метафора трактуется как троп, основанный на механизме семантического переноса значения. Лингвокогнитивный подход рассматривает метафору как единицу языка и мышления, подчеркивает ее роль в процессе познания, категоризации и концептуализации мира.

В современной лингвистике широко используются различные классификации метафор, предложенные как отечественными, так и зарубежными исследователями. Классификации учитывают тематические, семантические, функциональные, структурные и контекстуальные аспекты метафор. В частности, выделяются номинативные, образные, когнитивные, генерализующие метафоры, а также лексикализованные, живые и окказиональные метафоры.

1.2 Общая характеристика сферы политической коммуникации

Политическая коммуникация является неотъемлемой частью политической жизни общества. Она представляет собой сложный, многогранный процесс, внутри которого происходит взаимодействие между субъектами политической деятельности. Изучение сферы политической коммуникации и особенностей текстов данной сферы является актуальной проблемой в современной лингвистике. В настоящее время существует множество исследований, которые посвящены изучению сферы политической

коммуникации: Н.Б. Зазаева [28], С.В. Кузьмина [36], О.Л. Михалёва [46], Р.В. Патюкова [54], О.В. Рассинская [55], А.Ю. Суворова [62], И.Е. Тимерманис [64]-[65], З.Ф. Хубецова [67], А.П. Чудинов [70], Ф.И. Шарков [74].

Особенности проявления политической коммуникации все больше привлекают внимание лингвистов-исследователей в связи с тем, что коммуникативная среда в политическом дискурсе создает определенные условия для самовыражения политиков. В контексте политического дискурса, язык политической коммуникации становится инструментом, который влияет на общественное мнение и имеет убеждающую силу.

В рамках данного исследования обратимся к понятию политической коммуникации, которое дает З.Ф. Хубецова. Автор рассматривает ее как в широком, так и в узком смысле. В широком смысле политическая коммуникация выступает ключевым элементом функционирования политической системы, оказывающий непосредственное влияние на процессы принятия политических решений [67]. В узком смысле определение рассматривается как «взаимодействие между политическими факторами», что акцентирует внимание на взаимодействии двух отдельных политических субъектов и реализации их языковых стратегий.

Н.Б. Зазаева раскрывает понятие политической коммуникации, которая, прежде всего, носит массовый характер и представляет собой «совокупность процессов информационного обмена, передачи политической информации, структурирующих политическую деятельность и придающих ей новое значение» [28, с. 175-187]. Исследователь отмечает, что ключевыми инструментами политической коммуникации являются «пропаганда, политическая реклама и политический имиджмейкинг» [28, с. 175-187].

Политическая коммуникация не существует в вакууме. Она тесно связана со смежными областями общественной жизни. Так, «политическая коммуникация, как правило, выступает в качестве сферы компетенции специализированных институтов, таких как СМИ, правительственные

информационные агентства или политические партии» [36, с. 54-56]. Следовательно, политическую коммуникацию можно разделить по способу взаимодействия: «на коммуникацию, рассматриваемую как структура или система; массовые коммуникации и межличностные, межорганизационные коммуникации» [74, с. 121-130].

В своей работе С.В. Кузьмина делает вывод, что обычно в политической коммуникации имеют дело «с написанным или произносимым словом» или со «знаками, символами и сигналами» [36, с. 54-56]. Однако, несмотря на это, политическая коммуникация встречается в «любой обстановке социального общения», от личных разговоров до обсуждений в национальных законодательных органах [74, с. 121-130].

Коммуникация политического дискурса не стоит на месте и постоянно модернизируется. В основном это связано с развитием интернет-технологий и социальных сетей, меняющийся аудитории и постоянной политической конкуренции. В связи с этим исследователи выделили ряд ключевых тенденций в развитии политической коммуникации:

- «расширение глобального охвата за счет подключения удаленных регионов и менее развитых стран к интернету и мобильной связи» [62, с. 105-109];
- «усиление взаимодействия между политическими игроками на международном и национальном уровнях» [62, с. 105-109];
- «виртуализация политического пространства, приводящая к «сетевой политике», децентрализации, ускорению изменений и увеличению объема не прямой коммуникации» [62, с. 105-109];
- «риск роста манипуляций в информационном противоборстве благодаря возможностям интернета» [62, с. 105-109];
- «трансформация диалога власти и общества в онлайн-формат, с развитием «электронных правительств» и переходом от монолога к диалогу» [62, с. 105-109];

– «появление квазидialogа, демонстрирующего как прозрачность деятельности власти, так и возможность подачи жалоб, но также подчеркивающего мнимое сближение власти и общества» [62, с. 105-109].

Говоря о направленности политической коммуникации, нельзя не сказать о ее многогранности. Однако, политическую коммуникацию можно свести к единой общей цели, которая предполагает «взаимодействие субъектов политики путем обмена информацией в процессе борьбы за власть или ее осуществление и удержание» [64, с. 432]. Данное взаимодействие осуществляется с помощью «целенаправленной передачи и избирательного приема информации» [64, с. 432]. Исследователи отмечают, что в современном обществе данный информационный обмен формирует основу устойчивой политической системы, которая в свою очередь опирается на межличностную коммуникацию, организационную коммуникацию и коммуникацию через средства массовой информации.

Без политического текста невозможно представить политическую коммуникацию, поскольку он является одним из основных ее инструментов. Политический текст – это такой текст, который «функционирует в рамках политической деятельности», и, как следствие, непосредственно связанный с политической коммуникацией [55, с. 412-413]. Говоря проще, политический текст – это результат словесного выражения политиком каких-либо идей, которые предназначены для воздействия на общественное мнение.

Среди многочисленных исследований, посвященных изучению особенностей политической коммуникации существует множество точек зрения о том, каким образом она воздействует на людей. Например, Р.В. Патюковой [54, с.480] были выделены особенности политического текста, в котором важную роль играют следующие функции:

- побуждение к определенному действию, которое в будущем принесет выгоду;
- убеждение читателя или слушателя в справедливости позиции автора;
- информирование с целью передачи определенных сведений аудитории.

Р.В. Патюкова также отмечает, что политический текст выполняет еще одну немаловажную функцию – «функцию формирования индивидуального имиджа политика» [54, с.480]. Публичная политическая речь в некоторой степени является «языковым лицом политика, поскольку включает в себя различные лексические единицы речи» [54, с.480].

Многие авторы выделяют разные функции политического текста и описывают их значимость. Так, В.М. Бебик пишет о консолидирующей функции политического текста, которая «выражается в объединении, мобилизации людей вокруг общей идеи, ради борьбы за общие цели, для решения общих задач» [9, с. 28-33]. В рамках политической коммуникации, данная функция позволяет реализовывать политические интересы, управлять поведением общества, привлекать граждан к активному участию в политике. В конечном счете, консолидирующая функция нацелена на «стабилизацию имеющегося политического порядка», «вовлечение граждан в активную политическую деятельность» и формирование осознания «через язык принадлежностей к определенной общности, группы» [9, с. 28-33].

Еще одной важной функцией в политической коммуникации является функция политической пропаганды. По мнению И.Е. Тимерманиса, средства массовой информации выступают в качестве ключевого инструмента манипулирования общественным мнением, внедряя в массы определенные ценности, вкусы и модели поведения, тем самым, фактически, программируя аудиторию. Это происходит из-за того, что доверие читателей к средствам массовой информации остается достаточно высоким, а люди склонны воспринимать их «в качестве официальных источников и даже несмотря на абсурдность некоторой информации, не склонны критически относиться к ней и предпочитают принять за достоверную» [65, с. 26-35].

Чтобы лучше понимать особенности политической коммуникации, необходимо рассмотреть ее специфический язык. Г. Лассуэлл проводит параллель между языком политической коммуникации и «языком власти». В определении «язык политики – это язык власти» охватывается широкий спектр

политических явлений: от принятия решений до судебных вердиктов. Следовательно, данное определение подчеркивает, что язык в политике – это не нейтральный инструмент, а активный участник политического процесса [36, с. 54-56].

Рассмотрев общие принципы политической коммуникации, необходимо обратиться к вопросу речевых особенностей, которые во многом определяют ее воздействие на аудиторию. О.В. Рассинская [55, с. 412-413] выделяет следующие особенности политической коммуникации:

- индивидуальный стиль политика: у каждого политика есть своя уникальная манера речи, которая изучается лингвистами для создания индивидуального речевого портрета. Данные портреты часто позволяют идентифицировать политика даже по небольшому отрывку речи;

- функции побуждения, информирования и установления контакта, цель которых – передать информацию и замотивировать аудиторию к политической активности;

- публицистический стиль, который часто взаимодействует с разговорным, а иногда с художественным и научным стилями;

- общеупотребительная и эмоционально окрашенная лексика, слова со специфическим политическим значением и даже ненормативная лексика в совокупности с просторечием;

- средства выразительности для создания запоминающегося текста политики используют тропы, фигуры речи, а также авторские неологизмы;

- прецедентные феномены, способствующие обогащению политического текста глубинными смыслами, тем самым делая его более интересным для аудитории;

- краткость и слоганы, поскольку для массовой аудитории предпочтителен формат краткого изложения информации, с использованием запоминающихся слоганов с акцентом на актуальные вопросы.

Современная политическая коммуникация становится все более интернациональной, что обуславливается еще одной важной особенностью

политического дискурса. М.В. Беляков выделяет эту немаловажную особенность, и отмечает, что «в условиях современного информационного общества высказывание крупного политика, представляющего интерес для других стран, быстро получает широкое распространение через СМИ за пределами одной страны», что несет риск неверной интерпретации [10, с. 1-5].

Продукты политической коммуникации отличаются большим разнообразием. Для систематизации этого многообразия рассмотрим развернутую классификацию А.П. Чудинова [69, с. 53-59], основанную на различных критериях:

- с точки зрения субъекта выделяется «собственно политическая коммуникация; медийная политическая коммуникация (журналист); непрофессиональная политическая коммуникация (обыватель);

- в зависимости от адресата выявляются коммуникации, в которых адресат – политик или политический субъект (государство, партия); адресат не относится к числу институциональных политических субъектов (читатель, зритель, «избиратель»);

- по характеру речи различают «жанры устной речи (выступление, доклад, беседа, дебаты, интервью); жанры письменной речи (программа, листовка, газетная статья, письмо);

- по форме речи выделяются монологические жанры (радиообращение, статья в газете); диалогические жанры (дискуссия, переговоры);

- по функциям различают: ритуальные жанры (инаугурация); ориентационные жанры (доклады, указы); агональные жанры, содержащие призывы к борьбе (лозунг, листовка, выступление на митинге, речовка); информативные жанры (газетная информация, обращения граждан);

- на основании объема информации различают малые жанры (лозунг, слоган); средние жанры (выступление на митинге или в парламенте, листовка, газетная статья); крупные жанры (партийная программа, политический доклад, книга политической публицистики);

– по целевой установке выделяются информативные, оценочные и императивные (призывающие к действию) жанры» [69, с. 53-59].

Таким образом, политическая коммуникация проявляется в широком спектре форм и жанров, классифицируемых по различным критериям от авторства и целевой аудитории до используемых функций и объема информации. Эта многогранность позволяет политическим акторам эффективно достигать своих целей, адаптируя коммуникативные стратегии к конкретным обстоятельствам и аудиториям.

1.3 Подходы к изучению политической метафоры в современной лингвистике

В настоящее время в современной лингвистике ведется активное изучение подходов к политической метафоре. Данную тему изучали такие авторы как С.А. Анисимова [5], А.Н. Баранов и Ю.Н. Караулов [7]-[8], Э.В. Будаев [17], О.А. Климова [33], И.М. Кобозева [34], П.П. Лобас [41], З.А. Нартикова [50], А.П. Чудинов [70], [72], G. Lakoff и M. Johnson [77].

В эпоху развития информационных технологий политическая метафора становится важным средством манипуляцией человеческого сознания, требующая тщательного и критического анализа. В связи с возрастающей актуальностью изучения политической метафоры в современной лингвистике особенно важно четко определить ее смысл.

На протяжении последних десятилетий наблюдается значительная эволюция подходов к изучению политической метафоры. Еще в начале XXI в. исследования политической метафоры проводились в рамках двух основных направлений: когнитивного и риторического, которые взаимно обогащали друг друга и сосуществовали параллельно. Об этом пишут Э.В. Будаев и А.П. Чудинов, которые утверждают, что «в настоящее время когнитивно-дискурсивная парадигма становится ведущей в политической метафорологии, оставляя риторическим изысканиям все меньше места» [16, с. 187-196], что

подтверждает смещение акцента с риторических исследований политической метафоры в сторону когнитивного подхода.

Для того, чтобы охарактеризовать политическую метафору, авторы используют различные подходы к ее интерпретации. Так, О.А. Климова в своем исследовании, посвященном изучению метафоры в выступлениях членов Госдумы, пишет, что политическая метафора – это «мельчайший элемент политической жизни, её отражение, помогающая создать представление о характере функционирования политического объекта» [33].

Основоположники когнитивной лингвистики G. Lakoff и M. Johnson определяют политическую метафору как «речевое воздействие с целью формирования у общества либо положительного, либо отрицательного мнения о той или иной политической единице» [77]. В рамках исследования политической коммуникации С.А. Анисимова рассматривает политическую метафору как инструмент убеждения. С ее точки зрения под политической метафорой подразумевается «речевое воздействие с целью формирования у реципиента (общества, электората) либо положительного, либо отрицательного мнения о той или иной политической единице» [24].

Согласно Э.В. Будаеву, политическая метафора является «значимым инструментом манипуляции общественным сознанием» [15]. Следовательно, авторы политических текстов могут скрыто воздействовать на аудиторию, формировать желаемые интерпретации событий и явлений, а также влиять на политические оценки и предпочтения.

Характеризуя политическую метафору, И.М. Кобозева отмечает, что для нее характерно «наличие мощного классифицирующего образа, его обобщенность до степени символа, наличие глубокого информационного пласта задействованной культуры и исторической подоплеки, а также его политической мотивированности и антропометрической аксиологичности» [34, с. 41-46]. Следовательно, политические метафоры оказывают сильное влияние на человеческое сознание, из-за чего восприятие мира происходит через метафорическую призму. К этому же выводу приходит исследователь

В.А. Маслова, которая пишет, что «метафоры являются универсалиями сознания, и метафорическое видение мира современные психологи склонны связывать с генезисом человека и, соответственно, человеческой культурой» [43, с. 88]. Также автор отмечает, что использование метафор в политике является эффективным способом формирования общественного мнения, поскольку яркие образы и политические клише прочно закрепляются в сознании аудитории и манипулируют восприятием реальности [43, с. 90].

Зарубежные исследователи А. Musolff и J. Zinken [79] утверждают, что политические метафоры характеризуются двойственной природой: с одной стороны, они обладают потенциальной опасностью, так как могут приводить к интеллектуальной и политической путанице; с другой стороны, политические метафоры являются мощным инструментом воздействия, поскольку политики используют их для убеждения аудитории и продвижения определенного курса действий.

Говоря о воздействующей силе метафоры, необходимо понимать, что в современной лингвистике данный феномен занимает центральное место в рамках изучения политической коммуникации. Отечественный лингвист А.П. Чудинов [72, с. 124] в своих исследованиях выделяет важные функции политической метафоры, что делает ее неотъемлемым элементом политической коммуникации:

- когнитивная функция, характеризующая метафору как способ познания и категоризации мира;
- коммуникативная функция, позволяющая понятно, доступно транслировать необходимую информацию. Например, «метафорическое обозначение политической организации «Медведь» воспринимается значительно легче, чем официальное ее наименование «Межрегиональное движение «Единство» [72, с. 126];
- прагматическая функция, связанная с побуждением адресата к определенным действиям или изменением его картины мира и мировоззрения;

– эстетическая функция, с помощью которой достигается эффект привлечения внимания и делает высказывание более действенным.

Политический дискурс во многом опирается на создание образов, воздействующих на избирателей, реализуя функции регулирования и манипулирования сознанием. На прагматическую сущность метафоры указывают многие исследователи, например: «аргументация, являясь базовым конструктивным элементом политического дискурса, использует метафору для достижения коммуникативно-прагматических целей политиков, таких как доказательство тезиса, убеждение аудитории и побуждение к действиям» [50, с. 191-203]. З.А. Нартикова подчеркивает особую значимость компонента воздействия в сфере политической коммуникации, поскольку «речь идет о формировании отношений как на внешнеполитической арене, так и внутри страны» [50, с. 191-203].

Метафора в политическом дискурсе может использоваться в целях убеждения и манипуляции. Об этом пишет П.П. Лобас, более широко раскрывая потенциал каждой из целей. Убеждающий потенциал метафоры обусловлен ее способностью трансформировать сложный смысл в более доступную и запоминающуюся информацию. Эта убедительность возрастает, когда метафора позволяет подвергнуть свой смысл рациональному анализу и критике. Манипулятивный потенциал метафоры, в отличие от убеждающего, построен иначе: во-первых, с помощью манипулятивных целей создаются коннотации – скрытые смыслы и ассоциации, которые влияют на восприятие информации; а во-вторых, манипуляция позволяет формировать специфическое восприятие политической реальности. Эффективность манипулятивного потенциала возрастает за счет повторения определенных метафорических выражений, что формирует ассоциативные связи в сознании аудитории [41, с. 101-106].

Считается, что убеждающая сила метафоры не сосуществует отдельно от ее манипулятивного воздействия, поскольку вместе они способны представить политическую метафору в выгодном свете для аудитории. В

своем исследовании М.Ж. Landau и Л.А. Keefer рассмотрели термин метафорического обрамления как средства коммуникации, «в которой сравнивается абстрактное понятие с внешне не связанным, более конкретным понятием, например, с помощью слов, фраз или изображений» [78, с. 145-158]. Авторы установили, что метафоры широко используются в средствах массовой информации для формирования общественного мнения, что накладывает отпечаток на политические установки и позволяет понимать сложные конфликты между оппонентами (например, метафора «упасть со скалы» имеет смысл с метафорической точки зрения для аудитории, которая испытала трудности, поскольку хорошо известно, что падение со скалы никогда не может быть положительным) [78, с. 145-158].

В настоящее время в политической коммуникации активно используются различного рода метафоры, способные завоевать и удерживать внимание аудитории. По мнению В.З. Демьянкова, основная цель в политической коммуникации – манипулирование общественным мнением, внушение гражданам «политически правильных» действий и оценок, а метафоры играют важную роль, поскольку они оказывают глубокое воздействие на эмоции и ассоциативное мышление читателей. Они могут как смягчать острые высказывания (путем эвфемизации), так и манипулировать электоратом, не всегда формируя соответствующие действительности образы и убеждения [20, с. 71-74].

Чтобы усилить воздействующий эффект метафоры, советский и российский лингвист А.П. Чудинов указывает на важность «текстового напряжения» [71, с. 212] для того, чтобы привлечь к ней особое внимание читателя. Автор выделяет три основных вида акцентирования текстовой значимости метафоры: во-первых, использование «сильной позиции, которая уже сама по себе притягивает внимание адресата» [71, с. 212] в начале или конце текста; во-вторых, «акцентирование роли метафоры происходит благодаря ее взаимодействию с разнообразными риторическими (стилистическими) фигурами» [71, с. 212], которые способны усилить ее

выразительность; и в-третьих, «акцентирование метафоры с использованием ресурсов интертекстуальности» [71, с. 212], чтобы обогатить ее смысл и вызвать определенные ассоциации у читателя. Эти приемы ставят метафору в центральное место текста и позволяют ей оказывать сильное влияние на аудиторию.

При коммуникации с аудиторией любому политику важно грамотно выстроить отношения с народом. Успех в этой коммуникации во многом зависит от прагматичного подхода или от умения влиять на общественное сознание людей, который основывается на нескольких аспектах [7, с. 150-155]:

- побуждение к действию или корректировка образа мыслей;
- вызов необходимой для политика эмоциональной реакции на сообщение;
- убеждение в правильности своих высказываний.

Политическое влияние является неотъемлемой частью политических процессов, формирующие общественное мнение. Через использование метафор, политик может создавать желаемые образы и влиять на сознание публики. Примером такого воздействия является предвыборная кампания Дональда Трампа, чья речь создавала у избирателей ощущение личного обращения. Одной из ключевых метафор, обеспечивших лидеру поддержку, стало «*осушение болота в Вашингтоне*», которую он использовал для обозначения борьбы с коррупцией [2, с. 229-232]. С помощью данного воздействия Трамп превратил данную метафору в мощный лозунг и завоевал доверие избирателей.

Иронический оттенок нередко встречается в политических метафорах, поскольку использование этого приема придает метафорам особую выразительность и силу воздействия. Данную особенность отмечает А.А. Горностаева, приводя метафорические образы американских политиков. Например, метафора «*непотопляемый Титаник*» адресована Биллу Клинтону и направлена на его скандальную репутацию и живучесть. Более агрессивный характер носят метафоры, используемые для описания Хиллари Клинтон, которая «*ест скандалы на завтрак*». Другой политик – Джо Байден –

сравнивается с *«пончиком»*. Данные примеры демонстрируют нам, как с помощью иронии можно трансформировать политическую метафору в средство дискредитации и подорвать политический имидж конкретного политика [19, с. 108-125].

В политическом дискурсе использование стратегий и тактик является распространенным явлением. В частности, В.З. Демьянков рассматривает политический дискурс как *«поле боя»*, где политики стремятся «победить оппонента и даже подорвать его репутацию» [23]. Автор приводит метафорическое выражение В.В. Путина в ответ на сравнение России с Ливией, сделанное Дж. Маккейном. В данном выражении содержится намек на ответственность Маккейна за гибель мирных жителей и состояние его психического здоровья. Эта метафора используется как оружие в политической борьбе, что само по себе дискредитирует оппонента.

Для эффективного достижения политических целей, коммуникаторы используют различные стратегии, каждая из которых имеет свои особенности и тактики. В рамках труда *«Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия»* О.Л. Михалёва [46, с. 45-52] выделяет три основные стратегии:

- стратегия дискредитации (*«на понижение»*): направлена на дискредитацию оппонента. Для этого используются различные тактики, начиная от мягкого анализа ситуации, подразумевающего негативную оценку, заканчивая прямыми оскорблениями и угрозами;
- стратегия самовозвышения (*«на повышение»*): её цель укрепить собственный статус и создать себе положительный образ. Эта стратегия включает в себя положительную оценку событий, выгодное представление себя и своих сторонников, опровержение критики и самооправдание;
- стратегия театральности: эта стратегия фокусируется на эмоциональном воздействии на аудиторию. Используются тактики побуждения к действию, установления контакта на основе общих ценностей,

демонстрации различий во мнениях, предоставления информации, обещаний, прогнозирования, предупреждения, иронии и провокации.

Важно отметить, что все вышеописанные стратегии взаимосвязаны и часто используются в комплексе для достижения максимально экспрессивного воздействия на аудиторию в политическом дискурсе.

Носителем стратегий, лежащих в основе любого политического дискурса, «является бинарная поляризация «мы и они» [37, с. 12-20], [76]. В рамках этой стратегии отчётливо просматриваются две основные составные части: «позитивная самопрезентация (представление себя, своей политической партии, государства в лучшем свете) и негативная презентация оппонента (другого политика, партии, государства и так далее» [37, с. 12-20]. Данная поляризация «акцентирует внимание на положительном характере собственной оппозиции и отрицательном характере оппонента» [76].

Создание образа врага является эффективным приёмом в политической коммуникации. Т. Евгеньева выделяет ряд признаков-реакций, характерных для восприятия данного образа, основанного на ощущении опасности и вызывающего страх, неприязнь, агрессию и ненависть. Согласно Т. Евгеньевой [24, с. 113-126], этот образ включает в себя:

- негативное ожидание: «всем действиям врага в прошлом, настоящем и будущем приписываются деструктивные намерения, направленные на нашу собственную группу» [24, с. 113-126];
- возложение вины на врага как источника всех возможных бед;
- идентификация со злом через противоположную систему ценностей;
- мышление с нулевой суммой: успех врага воспринимается как проигрыш;
- стереотипизация и деиндивидуализация: все представители вражеской группы воспринимаются как враги;
- отказ проявить эмпатию: отсутствие сочувствия к врагу и отрицание любых гуманных соображений по отношению к нему.

Используя эти признаки, политик может сформировать мощный эмоциональный барьер, препятствующий объективному восприятию и диалогу с «врагом».

Гендерные особенности активно используются в политической метафоре, в которой государствам и лидерам приписываются мужские или женские черты. Существует мнение, что на Западе (особенно в исламских странах) распространена «маскулинизация» образа противника, подчеркивающая его силу. На Востоке же наоборот преобладает «феминизация», которая представляет противника слабым и коварным. Так, концептуальная метафора *«государство – это человек»* разворачивается в вариантах: *«государство – это женщина»* и *«государство – это мужчина»*, а также *«нация – это женщина»*, *«нация – это мужчина»* и *«страна – это женщина»*, *«страна – это мужчина»* [17, с. 88-92]. При выборе гендерной метафоры ее автор должен понимать, как метафора влияет на восприятие государств, и как она влияет на формирование отношения к оппоненту.

Исходя из различных источников, следует отметить, что роль метафор в создании имиджа политика чрезвычайно важна и многогранна. Так О.С. Макарова говорит об образных метафорах, которые выполняют декоративную, оценочную и эвфемистическую функцию и характеризуются тем, что «в них ярко эксплицирована индивидуальная образная составляющая, благодаря которой в выступлениях политических деятелей создается эффект неожиданности при описании явлений окружающей действительности, открываются оригинальные и меткие образы, производящие неизгладимое впечатление на слушателя или читателя» [42, с. 198-207]. Постоянное появление новых образных метафор, обусловленное богатством языковых средств, делает их анализ особенно ценным для понимания политической коммуникации.

О.А. Москаленко и В.А. Шахбазянц считают, что благодаря анализу метафор между политиками мы можем тщательнее изучить их портрет, а именно узнать «как политик мыслит, его отношение к проблемам, с которыми

он пытается бороться» [47], а также определить ситуацию, которая связана с их обильным употреблением. Авторы приводят классический пример метафоры, с используемой на Западе с XV в.: «Россия – это медведь». Разумеется, данная метафора создает негативный образ России как потенциальной угрозы, поскольку сравнение с медведем формирует «негативные ассоциации, связанные с жестокостью, ленью и глупостью» [47]. Для описания военных действий на Крымском полуострове образ медведя применялся особенно эффективно. Но особую популярность данная метафора приобрела во времена холодной войны, что наводит на мысль о возросшем восприятии России, как потенциальной угрозы для стран НАТО – «медведя в овечьей шкуре». Приведенные примеры говорят о том, что долговечные метафоры могут формировать и поддерживать стереотипное восприятие у аудитории на протяжении столетий и носить односторонний и предвзятый характер.

С целью усиления эмоционального воздействия на аудиторию, политики используют в своих текстах эмотивно заряженные метафоры, которые передают «эмоциональное состояние автора, а также используются для формирования эмоционального «шлейфа», связанного с определенным событием, человеком, партией» [51, с. 184-188]. Сочетание метафоры с эмотивным словом позволяет автору ёмко и эффективно передать свои чувства и установить эмоциональную связь с читателем. Э.Р. Нигматуллина подчеркивает важность такого сочетания в политических текстах, поскольку оно эффективно транслирует важные ценности политического лидера, что необходимо для завоевания авторитета избирателей; позволяет акцентировать внимание читателя на ключевых моментах, управляя восприятием информации, а также делает текст убедительным, используя кроме «прямых убеждений, логических обоснований и цитат» еще и «лингвокреативные средства» [51, с. 184-188].

По мнению Н.Ю. Бородулиной, одной из проблем метафорического описания глобального экономического кризиса является «пристрастие

политиков к образам природных катаклизмов (*землетрясение, ураган, цунами*) и морбиальным метафорам (*инфаркт, закупорка сосудов, эпидемия*)» [11, с. 49-56]. Автор утверждает, что использование таких образов «связано не только с необходимостью выразить негативную оценку ситуации, но и с желанием привнести смысл естественности в концептуализацию происходящих событий» [11, с. 49-56]. Подобный выбор позволяет сместить акцент с ответственности конкретных лиц и представить кризис, как событие, не зависящее от человеческой воли.

Несмотря на то, что в политической коммуникации часто используются прямые заявления и обещания, то метафоры, функционирующие в нем, играют ключевую роль в формировании общественного мнения. Однако в аспекте переводоведческой лингвопрагматики С.А. Анисимова указывает на весьма ограниченное использование метафор в политическом дискурсе: «речь политиков в большей степени состоит из комиссивных актов (предвыборных обещаний и тому подобное), но не исключает, что при необходимости эмоционального воздействия, использование когнитивной метафоры возможно» [5]. В тех случаях, когда политику необходимо применить такое воздействие на практике, «политическая метафора наделяется целью – коммуникативно повлиять на аудиторию таким образом, чтобы сформировать у реципиента (общества, электората) либо положительное, либо отрицательное мнения о той или иной политической единице (политике, партии, программе, мероприятии)» [5].

О.Г. Ананченко полагает, что в политической коммуникации использование политиками «негативных оценочных метафор в какой-то мере оправдано для привлечения внимания к актуальным проблемам» [4, с. 46-48]. Однако, это не должно быть обычной практикой, «поскольку важно стремиться к тому, что дальнейшие события в нашем обществе будут побуждать журналистов к использованию на страницах печати позитивных оценочных метафор, которые станут постепенно вытеснять метафоры

негативные» [4, с. 46-48], что позитивно повлияет на настроение читателей и их восприятие реальности.

Переходя к более детальному анализу индивидуальных метафор, целесообразно уделить внимание окказионализмам, как важным компонентам, участвующим в создании их уникальности и выразительности. Рассматривая метафорические конструкции публичных выступлений В.В. Путина, А.Б. Елизаров определяет окказиональные метафоры, как нетривиальные: «не имеющие индивидуально-авторской нагрузки и порожденные текущим контекстом коммуникативной ситуации, что говорит о их большей экспрессивно-выразительной, эмотивной нагрузке, нежели у узуальных, а тем более мертвых метафор» [26, с. 41-47]. Примером эффективного использования окказиональной метафоры служит высказывание (*«Бацилла националистических амбиций...»; «...заложенная мина, подрывающая государственный иммунитет...»*), в котором происходит концептуальная интеграция сфер «здоровье» (*бацилла, иммунитет*) и «война» (*заложенная мина*) [26, с. 41-47].

Однако А.Н. Баранов и Ю.Н. Караулов отмечают, что в политическом дискурсе стертые метафоры часто «оживают», получая развитие и развертывание. Авторы выделяют пять типов оживления: добавление новых свойств (*«разболтавшиеся административные рычаги»*), отсылка к идиоме (*«партия вскочила на подножку уходящего поезда»*), замена имени модели (*«скоростная магистраль прогресса»*), отсылка к прецедентному феномену (*«партия становилась живым трупом»*) и совмещение метафорических моделей (*«история покатила в пропасть»*) [8, с. 287].

Процесс создания эффективной политической метафоры должен быть комплексным, опираться на анализ политической ситуации и учитывать языковые тенденции. Рассматривая особенности метафоры в политическом тексте, «создатель политической метафоры должен быть в курсе экономической и политической ситуации, иметь представление об уровне жизни, субкультуре своих читателей или слушателей, а также быть в курсе

современных социологических опросов и исследований» [61, с. 136-140], поскольку без этого эффективность будет низкой. Исследования показывают, что индивидуальные (авторские) метафоры обладают высокой информативностью и позволяют формировать у реципиента необходимые ассоциации, что способствует глубокому пониманию текста [61, с. 136-140].

Таким образом, политическая коммуникация – это сложный процесс взаимодействия между субъектами политической деятельности. Политическая коммуникация направлена на борьбу за власть, ее удержание, влияние на общественное мнение. Основными инструментами политической коммуникации являются пропаганда, политическая реклама и политический имиджмейкинг, что позволяет сделать вывод о воздействующем характере данной сферы, ее значительном влиянии на общественное мнение.

Специфический язык политической коммуникации характеризуется использованием эмоционально-окрашенной лексики и различных средств выразительности, в том числе метафоры. Политическая метафора используется как в целях убеждения, информирования в доступной и запоминающейся форме, так и в манипулятивных целях. Развитие когнитивно-дискурсивного подхода привело к пониманию того, что политическая метафора не только украшает речь, но и активно участвует в формировании политических установок и ценностей.

Выводы по первой главе

Метафора прошла путь от простого стилистического приёма до сложного когнитивного инструмента. В современной лингвистике метафору рассматривают как механизм, позволяющий осмыслять и структурировать сложные понятия через уподобление более конкретным и знакомым объектам. Метафора понимается как универсалия мышления, влияющая на восприятие мира и формирование общественного мнения.

Важное семантическое свойство метафоры – уподобление или составление понятий, не имеющих прямой связи в единой системе знаний. В метафоре взаимодействуют две разные понятийные сферы, что отличает ее от

иных видов тропов. Центральный смысловой признак в этой структуре – ассоциативный признак, позволяющий разграничить языковые и индивидуально-авторские типы метафор. Художественные метафоры строятся на более свободных и нестандартных семантических признаках, которые создают «впечатление семантической аномалии».

Ключевым понятием в теории метафоры является метафорическая модель, которая представляет собой связь между понятийными сферами. Метафорическая модель состоит из сферы-источника, сферы-мишени и связующего компонента метафорических смыслов. Благодаря метафорической модели можно структурировать абстрактные понятия.

Процесс метафоризации остается важным инструментом для понимания политического дискурса. Политическая метафора, функционирующая в рамках политической коммуникации, становится объектом пристального внимания современной лингвистики как инструмент воздействия на сознание и подсознание аудитории. Метафорическое представление политической реальности позволяет упрощать сложные понятия до простых, формировать определенное отношение к событиям и явлениям, а также влиять на эмоциональную сферу реципиента, вызывать необходимые ассоциации и мотивировать аудиторию к конкретным действиям.

Для достижения максимального эффекта, авторы политической метафоры должны учитывать языковые тенденции, политическую ситуацию и социокультурные особенности аудитории. Перечисленные аспекты делают процесс создания эффективной политической метафоры комплексным и многогранным.

Глава 2 Функционирование метафоры в телеграм-канале Д.А. Медведева

2.1 Особенности телеграм-канала Д.А. Медведева как сферы функционирования политической метафоры

Анализ телеграм-канала Д.А. Медведева предоставляет богатый материал для исследования особенностей функционирования языковой метафоры в современном политическом дискурсе. Платформа телеграм на сегодняшний день является одной из самых главных площадок для оперативного распространения политической информации, привлечения внимания аудитории и формирования общественного мнения в условиях быстро меняющейся информационной среды. Следовательно, политические лидеры, в том числе Д.А. Медведев, используют телеграм для прямого взаимодействия со своей аудиторией, минуя средства массовой информации.

В настоящее время лингвистами-исследователями отмечается, что субъектом политического дискурса «могут выступать конкретные политики, политические организации, определенные СМИ, политические партии и иные сообщества, объединяемые общностью политических взглядов» [15]. Это объясняется изучением особенности реализации метафор «в контексте определенной идеологии, реализуемой в индивидуальных или коллективных политических дискурсах» [15]. В связи с этим, особый интерес представляет анализ метафорических образов в идиолектах, поскольку именно он позволяет «высветить различия в картинах мира конкретных политиков» [15].

Еще со времен президентства Дмитрия Анатольевича в ряде научных статей отмечалась его склонность к «использованию метафор для описания проблемных, кризисных ситуаций в стране», которые, как правило, «выражают принципиально негативное отношение к происходящему» [1]. Кроме того, анализ используемых им метафор позволил сделать вывод «о президенте России как о человеке, заинтересованном и контролирующем ситуацию внутри и вне страны, внимательно следящим за событиями» [1].

Использование метафорических конструкций в телеграм-канале является целенаправленным инструментом выражения оценочного отношения к происходящим событиям и явлениям. В частности, было установлено, что за 2023 г. в телеграм-канале Д.А. Медведева возросла плотность метафор, а также отмечен рост количества сильноинтенсивных метафор [39]. Эти данные свидетельствуют об актуальности настоящего исследования и подчеркивают необходимость дальнейшего изучения механизмов воздействия политической метафоры в контексте социальных сетей и мессенджеров.

Роль телеграм-каналов в современной политической коммуникации трудно переоценить. В эпоху цифровизации традиционные средства массовой информации постепенно уступают место новым платформам, позволяющим напрямую взаимодействовать с аудиторией. Телеграм, как один из наиболее популярных мессенджеров, стал важным инструментом для политиков, общественных деятелей и обычных граждан, стремящихся получать и распространять информацию, формировать общественное мнение и участвовать в политической жизни страны и мира. Основными преимуществами телеграм-каналов для политической коммуникации являются оперативность, доступность, возможность прямого контакта с аудиторией, отсутствие жесткой цензуры и возможность обхода блокировок.

В телеграм-канале автор может публиковать развернутые сообщения, фото- и видеоматериалы, избегая искажения информации от средств массовой информации. Это особенно важно в условиях политической борьбы, когда каждая сторона стремится представить свою точку зрения и дискредитировать оппонентов.

Следует отметить, что телеграм-канал представляет собой не только средство коммуникации, но и мощный инструмент пропаганды и манипулирования общественным сознанием. Благодаря анонимности и отсутствию жесткой модерации, на платформе распространяется большое количество фейков, дезинформации и экстремистских материалов. Поэтому

критический анализ информации и оценка источников становятся особенно важными в условиях политической коммуникации.

В данном параграфе выявляются особенности функционирования языковой метафоры в высказываниях Д.А. Медведева. Материалом исследования послужил телеграм-канал Д.А. Медведева с рядом публикаций за 2023-2025 гг. Методом сплошной выборки была проанализирована 251 публикация.

Выбор телеграм-канала Д.А. Медведева в качестве объекта анализа обусловлен несколькими факторами. Во-первых, Д.А. Медведев является влиятельным политическим деятелем, занимавшим высокие государственные посты (Президент РФ, Председатель Правительства РФ), и его высказывания привлекают широкое внимание общественности и средств массовой информации. Во-вторых, его телеграм-канал представляет собой яркий пример индивидуального политического дискурса, отражающего его личную позицию, стиль коммуникации и ценностные ориентации. Анализ канала позволяет выявить особенности его политической риторики, стратегии убеждения и манипулирования, а также определить, какие идеологические установки он транслирует своей аудитории. В-третьих, канал Д.А. Медведева демонстрирует активное использование языковых средств, в том числе метафоры, для выражения оценочного отношения к происходящим событиям и формирования определенного взгляда на политическую реальность. Исследование метафорического пространства канала позволяет выявить основные тематические области, используемые метафорические модели, а также особенности функционирования метафоры в различных контекстах.

Изучение политического дискурса, представленного в телеграм-канале Д.А. Медведева, позволяет получить ценные сведения о современной политической коммуникации, стратегиях воздействия на общественное мнение, а также о роли языковых средств в формировании политической картины мира. Анализ метафоры, как одного из наиболее выразительных и

эффективных инструментов политической риторики, позволяет выявить скрытые механизмы влияния и оценить степень его воздействия на аудиторию.

Характеризуя телеграм-канал Д.А. Медведева, необходимо отметить, что автор создал его 14 марта 2022 г. и активно пользуется им в настоящее время. Начало публикаций приходится на период сложной геополитической обстановки, значительных изменений во внутренней политике России, а также активного развития информационных технологий и социальных сетей.

Канал позиционируется как платформа для выражения личного мнения Д.А. Медведева по актуальным вопросам внутренней и внешней политики, а также для комментирования событий и оценки действий других политических деятелей. Целевая аудитория телеграм-канала достаточно широкая, поскольку охватывает сферы политики, экономики, международные отношения и общественную жизнь. В своем блоге Д.А. Медведев стремится представить себя как опытного и компетентного политика, патриота России, защитника национальных интересов и сторонника традиционных ценностей.

Исследуемый телеграм-канал насчитывает более 1,6 миллиона подписчиков, публикации появляются в среднем один-два раза в неделю. Численность подписчиков и частота публикаций являются важными показателями популярности и влияния канала. Чем больше подписчиков, тем шире охват аудитории и тем большее влияние оказывает автор на формирование общественного мнения. Частота публикаций, в свою очередь, свидетельствует об активности автора и его стремлении поддерживать постоянный контакт со своей аудиторией.

Тематика постов охватывает широкий спектр вопросов, включая международные отношения, военные конфликты, внутреннюю политику России, экономику, социальные проблемы, культуру, историю и юмор. Жанровый репертуар включает аналитические комментарии, оценочные суждения, саркастические замечания, ответы на критику, поздравления с праздниками, анонсы мероприятий и личные размышления. В постах активно

используются ссылки на официальные источники, цитаты из новостей и комментарии других экспертов.

Изучение тематического и жанрового репертуара позволяет выявить основные направления политической деятельности Д.А. Медведева, его приоритеты и ценности. Разнообразие тем и жанров свидетельствует о стремлении автора привлечь внимание широкой аудитории и поддерживать интерес к своему каналу.

Для более глубокого понимания функционирования политической метафоры в телеграм-канале Д.А. Медведева необходимо подробнее рассмотреть языковые и стилистические особенности его публикаций. Однако при комплексном анализе этих особенностей следует учитывать прагматическую составляющую метафор, поскольку их использование обусловлено желанием автора сформировать определенную оценку событий и явлений. Согласно исследованиям, прагмемы – это «концентрат смысла, который самым быстрым способом закрепляет нужный смысл в языковой моде и актуализации его в дискурсе» [21]. Метафоры в телеграм-канале Д.А. Медведева часто функционируют как прагмемы, закрепляя определенные оценки и формируя у аудитории заданное восприятие. Исследование метафорического пространства канала позволяет выявить особенности авторского стиля и оценочные стратегии, применяемые для достижения политических целей.

Стиль Д.А. Медведева в телеграм-канале часто характеризуется высокой степенью эмоциональности и экспрессивности. Это проявляется в использовании разговорной лексики, восклицательных знаков, а также в выражении личного отношения к обсуждаемым событиям, что делает его язык более простым и понятным для широкой аудитории.

Ирония и сарказм являются одними из наиболее характерных черт стиля Д.А. Медведева. Автор часто использует эти приемы для критики оппонентов, высмеивания их действий и демонстрации своего интеллектуального превосходства. Например, он может иронизировать над заявлениями западных

политиков, используя преувеличения, гиперболы и саркастические сравнения. Это создает эффект остроумия и позволяет ему привлечь внимание к своим высказываниям.

Как уже отмечалось, метафора играет важную роль в политической риторике Д.А. Медведева. Он использует метафоры для упрощения сложных концепций, создания ярких образов и выражения своего отношения к происходящему. Например, он может сравнивать экономику с *«разлагающимся трупом»*, политическую ситуацию с *«войной свиней у корыта»*, а оппонентов с животным миром (*«страна лягушатников»*, *«чумные крысы»*, *«разжиревшие коты»*) или с морбиальной сферой (*«разваливающаяся умирающая страна»*, *«трупное разложение мозгов западных политиков»* [25]). Это позволяет ему донести свои мысли до аудитории в более понятной и запоминающейся форме.

Язык публикаций Д.А. Медведева часто носит полемический характер, направленный на критику оппонентов и защиту собственной позиции. Он активно использует аргументацию, контраргументацию, а также различные приемы убеждения и манипулирования. Это создает впечатление активной борьбы за правду и справедливость, позволяя ему мобилизовать своих сторонников и укрепить свою политическую позицию.

Анализ метафор в телеграм-канале Д.А. Медведева позволяет выявить связь между используемыми языковыми средствами и идеологическими установками автора. Изучение концептуальных метафор и метафорических моделей показывает, какие фрагменты политического мира концептуализируются и как они оцениваются в контексте определенной идеологии. В частности, можно проследить, как метафоры способствуют реализации определенных идеологических целей и формированию поддержки определенных политических взглядов.

Таким образом, телеграм-канал Д.А. Медведева является значимой современной платформой политической коммуникации, позволяющей оперативно взаимодействовать с многомиллионной аудиторией и

формировать общественное мнение в условиях цифровизации. Языковая метафора является доминирующим инструментом в высказываниях Д.А. Медведева на данной платформе. Ее ключевая функция – выражение резко негативной оценки событий, явлений, оппонентов, а также формирование заданного восприятия политической ситуации у читателей. Метафоры в текстах публикаций часто выступают как устойчивые единицы, образно закрепляющие негативные оценки («*страна лягушатников*», «*чумные крысы*», «*разлагающийся труп экономики*», «*трупное разложение мозгов*»).

2.2 Языковая репрезентация метафорических моделей в телеграм-канале Д.А. Медведева

Изучение метафорических моделей, используемых в политическом дискурсе, предоставляет ценную информацию о способах конструирования реальности, формировании общественного мнения и реализации стратегий воздействия. В данном параграфе представляется анализ языковой репрезентации метафорических моделей в телеграм-канале Д.А. Медведева.

Цель данного параграфа – выявить и проанализировать метафорические модели, используемые Д.А. Медведевым в его телеграм-канале, определить их функции и способы языкового оформления. Телеграм-каналы, являясь площадкой для прямого общения политиков с аудиторией, представляют собой ценный материал для изучения использования метафор в современном политическом дискурсе.

Корпус текстов для анализа включает в себя все публикации телеграм-канала Д.А. Медведева за период с марта 2022 г. по текущий момент (май 2025 г.). Общий объем проанализированных метафорических единиц составляет 198 единиц.

За основу классификации собранного материала было принято понятие метафорической модели, описанной А.П. Чудиновым, которая понимается как «схема связи между понятийными сферами» [71, с. 70-72]. Метафорическая модель состоит из сферы – источника, сферы – мишени и связующего

компонента между первичным и метафорическим смыслом. Для описания метафорических моделей нами были использованы тематические группы русской политической метафоры конца XX – начала XXI вв., выделенные О.Л. Михалёвой [46].

Проведенный анализ показал, что в телеграм-канале Д.А. Медведева обнаруживается широкий спектр метафорических моделей, которые позволяют ему оказывать влияние на восприятие аудитории (см. табл. 1).

Таблица 1 – Языковая репрезентация метафорических моделей

Метафорические модели	Языковые репрезентанты
Антропоморфные метафоры	исходные метафоры-существительные: <i>полоумная старуха Европа; прихлебатели и приживалки; зомби из страны 404; оборзевшие западные лжецы; Франция деградировала до уровня продажной, кривляющейся девки; меткий плевок из Киева в Варшаву;</i> исходные метафоры-глаголы: <i>просвещённый мир вздрогнул; западный мир будет со страхом смотреть на американский бардак;</i> исходные метафоры – устойчивые конструкции: <i>мир, ведомый США, продолжает катиться в пропасть; Киев устроил истерику</i>
Метафоры болезни и смерти	исходные метафоры-существительные: <i>гниение ткани западного общества; режим, который перешёл в стадию посмертного гниения; коллективный аборт; оживление мумий; у руля ракового новообразования под именем Украина; трупное разложение мозгов западных политиков; словесный энурез; прожорливый киевско-кишинёвский рахит; неаппетитные останки;</i> исходные метафоры-прилагательные, причастия: <i>умирающая страна; шизоидный экс-шахматист; полуразложившийся бандеровский режим; шизоидные заклинания; руины умирающей экономики бандеровского режима;</i> исходные метафоры-глаголы: <i>хочется, чтобы предатели России сгнили в застенке;</i> исходные метафоры – устойчивые конструкции: <i>новые реки крови; недержание речи</i>
Зооморфные метафоры	исходные метафоры-существительные: <i>разжиревший паук-лицедей; слепые кроты; западный зверинец; чумные крысы; петухи французского руководства; запуганный выкормыш; педикүлэзные свиньи; разжиревшие коты; киевская бандеровская свора; киевский пёс; французские лягушатники; мерзкие рептилоиды; таракан-фаворит; чешуйчатые твари; шавки надрывно скулят; неонацистские псы; перекормленная жирная тварь; сальное животное; зеленая тля</i>

Продолжение таблицы 1

	исходные метафоры-прилагательные, причастия: <i>зоологические русофобы; оскотинившиеся страны</i> ; прожорливые международные организации; исходные метафоры-глаголы: <i>захлёбываются лаем; подкармливает оппозицию; француз прокукарекает</i>
Фитоморфные метафоры	исходные метафоры-существительные и прилагательные: <i>мелкотравчатые наследники; корни неонацизма</i> ; исходные метафоры – устойчивые конструкции: <i>пожинают плоды своей рвотной ненависти к нашей стране; пожинают горькие плоды спада производства</i>
Природные метафоры	исходные метафоры-глаголы: <i>Европа бурлит</i> ; исходные метафоры – устойчивые конструкции: <i>несут лютую и крайне опасную пургу; пожар мировой революции; мировой ядерный пожар; политический ландшафт</i>
Метафоры игры	исходные метафоры-существительные: <i>цирк уродов; сериальные клоуны; просроченный клоун; примкнувшие марионетки; кокаиновый клоун; богомерзкий клоун; цирк с конями; американские кукловоды; провинциальный клоун в зелёном трико; политические карлики Пиндостана; позорное фрик-шоу</i> ; исходные метафоры-глаголы: <i>не заиграйтесь в самолётики в своей песочнице</i> ; исходные метафоры – устойчивые конструкции: <i>марионеточный киевский режим</i> ;
Милитаристские (военные) метафоры	исходные метафоры – устойчивые конструкции и глаголы: <i>развязав войну коллективного Запада с Россией; стереть Россию с лица земли; затащить войну на свою территорию; толкать мир к ядерной катастрофе</i>
Предметные метафоры	исходные метафоры-существительные: <i>дети, женщины, старики – просто расходный материал; мясокомбинат контрнаступления; протухшая ливерная колбаса; дурной сюрреализм происходящего</i> исходные метафоры – устойчивые конструкции: <i>машина взаимного насилия; утилизация государственной машины враждебной страны; санкции возвращаются на Запад бумерангом</i>

Антропоморфная модель основана на фундаментальном принципе человеческого восприятия мира – антропоцентризме. Метафорические конструкции, относящиеся к данной модели, позволяют политику представлять общество как единый организм, наделяя его человеческими качествами, такими как здоровье, болезнь, способность к развитию и регрессу. Например: «но они свидетельствуют об ускоренном гниении самой ткани западного общества»; «Будут готовить солдат для киевского мясокомбината»; «...и ради этого сделать остальным слабым союзницам

коллективный аборт» [25], – общество сравнивается с человеческим органом, который наделен способностью болеть.

В контексте политической борьбы Д.А. Медведев использует эту модель для наделения политических оппонентов человеческими пороками. Он пишет о Европе: *«...бесится полоумная старуха Европа. Им совсем несладко»* [25]. Уподобляя Европу пожилому человеку, Д.А. Медведев акцентирует внимание на ее неадекватности, эмоциональной нестабильности и утрате былого влияния, поскольку данный образ вызывает ассоциации с дряхлением, упадком и потерей здравого смысла. В качестве субъектов сравнения в таких метафорах выступают номинации лиц по их образу жизни: *«как бизнесмен до мозга костей, он смертельно не любит тратить деньги на разных прихлебателей и приживалок – на придурковатых союзничков, на дурные благотворительные прожекты и на прожорливые международные организации»* [25].

Ведущую роль в концептуализации образа политического оппонента играет зооморфная метафора: *«А что же этот самый главный паук-лицедей, разжиревший за счёт крови и тел своих соплеменников?»*; *«Ведь оно – страна-паразит и получает корм «от тела» своих хозяев, живёт за счёт них»* [25]. В приведенном примере «страной-паразитом» выступает Украина, а «главным пауком» Д.А. Медведев считает президента Украины. Посредством данных метафор актуализируются такие признаки, как «кровожадность», «жизнь за счет другого организма».

Считается, что использование зооморфной метафоры не только привносит пейоративные смыслы в осмысление сферы-мишени, но и часто выполняет функцию дегуманизации. Это позволяет автору «совмещать процесс категоризации (отнесение людей к категории животных) и переконцептуализации (изменение набора концептуальных признаков человека) для достижения прагматической цели адресантов медиатекстов, что позволяет рассматривать зооморфные метафоры в качестве надежного

маркера агрессивного прагматического потенциала дискурса СМИ и важного индикатора пейоративных интенций авторов медиатекстов» [12].

В модель природы также входит фитоморфная метафора и метафора природы, которые позволяют Д.А. Медведеву представлять социальные и политические процессы как динамичные, подверженные стихийным явлениям и циклам через уподобление природным явлениям. Например, метафора *«Европа бурлит. На улицах сотни тысяч людей протестуют против циничной западной поддержки насилия в Газе»* [25] отсылает аудиторию к таким природным явлениям, как кипение или вулканическая активность, что создает образ нестабильности, напряжения и социальных волнений. Риторика политических оппонентов уподобляется пурге: *«Мелкотравчатые наследники Бонапарта, примеря сорванные двести лет назад золотые эполеты, с наполеоновским размахом жаждут реванша и несут лютую и крайне опасную пургу про высадку войск отдельных стран НАТО в Киеве»* [25]. Применение данной метафоры подразумевает, что высказывания противников Д.А. Медведева являются дезинформацией, вводящей в заблуждение и способной привести к непредсказуемым последствиям. Это создает образ хаоса, дезориентации и обманчивой картины реальности.

Социальная модель включает в себя несколько подвидов метафор, отражающих различные аспекты социального опыта. В телеграм-канале Д.А. Медведева можно встретить метафору игры, которой автор пользуется для описания дипломатических переговоров и политических интриг. Говоря о западных лидерах: *«Парламентский цирк уродов из страны побеждённого фашизма, снова заседающий в рейхстаге, требует направить своим неонацистским последышам дальнобойные ракеты...»* [25] – автор представляет их как неполноценных людей с моральными изъянами, вызывающих отвращение и сравнивая парламент с «цирком уродов», что создает образ собрания людей, неспособных к серьезной деятельности, а занимающихся лишь абсурдным представлением.

Представим другие реализации данной модели: *«Сериальные клоуны, ни дня не проработавшие на госслужбе, управляют действиями войск и распоряжаются жизнями миллионов несчастных людей»* [25]; *«А ещё в качестве бонуса янки получили эксклюзивное «деловое» предложение просроченного клоуна»* [25]. Использование метафоры игры служит не только для дискредитации оппонента, но и для передачи непредсказуемости политической деятельности.

Еще одна нередко встречающаяся модель метафоры, которую автор активно применяет для создания образа врага, оправдания жестких мер и мобилизации аудитории – милитаристская (военная) метафора. В телеграм-канале Д.А. Медведева она является одной из наиболее часто используемых, поскольку позволяет автору описывать политические процессы в терминах войны, борьбы и противостояния: *«И старик в какой-то момент ударился во все тяжкие, по сути, развязав войну коллективного Запада с Россией, едва не перешедшую в ядерный конфликт с НАТО»* [25]; *«Сегодня они снова ведут чужими руками преступную войну, пытаясь стереть Россию с лица земли»* [25]. Используя подобную образность, автор не только создает образ острого противостояния, но и нагнетает обстановку угрозы для того, чтобы вызвать у аудитории чувство патриотизма и призвать ее к сплочению перед внешней агрессией.

Предметная метафора также находит свое применение в телеграм-канале Д.А. Медведева. Использование этой метафоры позволяет автору абстрактно описывать понятия через конкретные предметы. Примеры таких метафор: *«Дети, женщины, старики – просто расходный материал»* [25]; *«Мясокомбинат контрнаступления работает сегодня безостановочно, отправляя на убой тысячи несчастных»* [25].

Анализ контекстуального окружения метафор показал, что метафора болезни часто используется для описания политических кризисов и экономических проблем, их деструктивного характера и необходимости принятия каких-либо мер; зооморфная метафора – для дискредитации

политических оппонентов и наделения их негативными чертами, вызывающими определенные ассоциации с животными; милитаристская метафора – для описания международных отношений, мобилизации аудитории для защиты национальных интересов, а антропоморфная – для наделения государств человеческими качествами, что позволяет выстраивать эмоциональную связь с аудиторией и персонифицировать абстрактные понятия.

Наиболее частотной метафорической моделью является зооморфная и антропоморфная метафора. Они демонстрируют склонность автора к персонификации политических сил и явлений, а также стремление использовать яркие, эмоционально окрашенные образы для усиления воздействия на аудиторию и формирования негативного отношения к оппонентам. Наименее частотной метафорой оказалась – природные и фитоморфные метафоры, использование которых относится к сравнительно редким приемам в силу меньшей экспрессивности. Данные метафоры не позволяют автору добиться высокой степени эмоционального воздействия на аудиторию, нежели использование образов животных или человеческих качеств, поскольку растения в меньшей степени ассоциируются с борьбой, конфликтом или определенными политическими качествами.

Высокая частотность зооморфной и антропоморфной метафоры может быть обусловлена необходимостью создания четких и легко воспринимаемых образов политиков, наделения их отрицательными характеристиками, а также стремлением к эмоциональному вовлечению аудитории в политическую дискуссию путем апелляции к базовым инстинктам и стереотипам, связанным с образами животных и антропоморфными проекциями.

Функции метафорических моделей в телеграм-канале Д.А. Медведева многообразны. Во-первых, проанализированные метафорические конструкции упрощают сложные политические процессы до более понятных для широкой аудитории. Во-вторых, метафоры из телеграм-канала Д.А. Медведева используются автором для убеждения аудитории в

правильности определенной точки зрения. Нельзя не отметить, что вся выборка метафорических конструкций несет на себе и оценочную функцию, связанную с выражением положительного или отрицательного отношения к объектам и явлениям.

Использование метафорических моделей оказывает значительное влияние на формирование имиджа Д.А. Медведева. Зооморфный и антропоморфные метафоры способствуют созданию образа резкого и бескомпромиссного критика, не стесняющегося в выражениях и готового обличать пороки политических оппонентов, а также умелого манипулятора общественным мнением, способного создавать яркие и запоминающиеся образы, вызывающие сильный эмоциональный отклик. Все виды метафорических моделей, используемые Д.А. Медведевым в телеграм-канале, выполняют функции эмоциональной мобилизации и упрощения сложных политических процессов для массовой аудитории.

Таким образом, в телеграм-канале Д.А. Медведева с помощью метафорических моделей продвигаются идеи патриотизма, суверенитета, необходимости жестких мер в отношении оппонентов и защиты традиционных ценностей. Метафоры войны и болезни наиболее эффективно способствуют убеждению аудитории в правильности этих идей, поскольку они апеллируют к базовым ценностям и вызывают сильные эмоции, подчеркивая остроту момента и необходимость единения перед лицом угроз. Тематическое разнообразие метафорических моделей отражает специфику современной российской политической повестки.

2.3 Реализация инвективной стратегии метафорическими моделями в телеграм-канале Д.А. Медведева

В современном политическом дискурсе реализация инвективной стратегии является актуальным направлением среди лингвистических исследований. Это связано с тем, что в условиях активного использования цифровые платформы, социальные сети и мессенджеры, в том числе телеграм,

обеспечивают оперативное распространение информации и взаимодействие с аудиторией.

Прежде всего, необходимо обратиться к определению инвективности. Как отмечается в работе Н.Н. Копытиной, инвективность – это «свойство единиц языка и речи, характеризующееся потенциалом естественной конфликтности и заключающее в себе совокупность признаков, оценка актуального «веса» которых необходима для принятия решения об инвективе/неинвективе» [36].

По определению А.Э. Задохина, инвективность – это коммуникативная стратегия, которая широко используется в политическом дискурсе и «способствует максимально эффективной реализации коммуникативных функций персонального политического дискурса: социализации, самопрезентации, дискредитации оппонента» [29]. Также инвективная стратегия может быть реализована «через тактики оскорбительных номинаций или оскорбительных сравнений; может иметь имплицитный характер и быть реализована посредством тактик иронической модальности или «отраженного» оскорбления» [29].

Вопрос нанесения оскорбления с использованием инвективы рассматривался разными исследователями. Д.Д. Кучина отмечает, что метафоризация является эффективным средством реализации инвективности, поскольку она «может использоваться в качестве речевого воздействия, в особенности в политическом дискурсе» [38, с. 61-75]. Политическая метафора служит персуазивным средством, целенаправленно изменяющим ментальное представление об объекте, часто посредством гиперболизации негативных аспектов.

Как указывает О.В. Демидов, негативные оценки при использовании метафор формируются за счет неблагоприятных ассоциаций, связанных с созданным автором образом. Более того, метафора обладает высокой эмотивностью. Из-за того, что метафора «ранит больше, чем прямая номинация, и лучше запоминается», это делает ее особенным и эффективным

инструментом «при выражении негативных интенций и обвинений политических противников» [22]. По мнению А.И. Михайловой, метафора служит способом выражения и импликации вербальной агрессии [45].

Однако не стоит приравнивать инвективу к оскорблению. Инвективы могут быть выступать как «непроизвольная эмоциональная реакция» [58], так и «намеренное унижение оппонента с целью показать свое доминирование» [58]. Для этого автор может использовать различные виды инвектив: «бранная лексика, ироничные замечания, средства диффамации, устойчивые выражения, метафоры» [58]. О том, что инвектива не всегда приравнивается к оскорблению, пишет и Б.Я. Шарифуллин. Автор подчеркивает, что инвектива может выступать как «непроизвольная эмоциональная реакция» или как «намеренное унижение оппонента с целью показать свое доминирование» [73]. Реализация инвективной стратегии используется совместно с бранной лексикой, ироничными замечаниями, средствами диффамации, устойчивыми выражениями, и, конечно же, с метафорами.

Анализ публикаций в телеграм-канале Д.А. Медведева выявляет широкое использование метафорических моделей, направленных на реализацию инвективной стратегии. С точки зрения семантики, выявленные нами инвективные метафоры классифицировать на антропоморфные метафоры, наделяющие объекты человеческими качествами и поведением («Франция под руководством Макрона деградировала» [25]), зооморфные метафоры, проводящие параллели между обществом и животным миром («превратились в больную крысу»; «захлёбываются лаем», «окормляет Запад» [25]), метафоры болезни, описывающие объекты через сравнение с болезнями и их проявлениями («отбитые мозги»; «словесный энурез»; «недержание речи», «предатели сгнили» [25]).

В частности, можно наблюдать склонность к использованию зооморфных метафорических инвектив, связанных с уподоблением животным для усиления негативной оценки объекта критики: «Неблагодарная свинья получила крепкую затрещину от хозяев свинарника» [25]; «То француз

прокукарекает на тему поддержки Киева в случае отката Америки, то натовские начальники умничают, как активнее вести войну с нами дальше» [25]; для создания яркого запоминающегося образа, способного оказать сильное воздействие на аудиторию: «Тут разные тараканы, расплодившиеся в киевском инсектарии, постоянно грозят «вернуть Крым»; «Почти как таракан-фаворит Янычар в пьесе знаменитого киевлянина Михаила Булгакова «Бег» [25].

Другой наиболее распространенной моделью является метафорическая инвектива болезни и смерти. Автор использует ее для того, чтобы представить политического оппонента как нечто деструктивное, представляющее угрозу для общества. Данная модель позволяет не только выразить негативное отношение: «У европейских лидеров после победы Трампа началось осеннее обострение» [25], но и предложить «лечение», которое подразумевает жесткие, даже радикальные меры: «Первый – сразу лечиться самому, получив шесть уколов от смертельного заболевания, параллельно наблюдая за поведением подозрительной твари. А второй, наиболее достоверный способ предотвратить распространение бешенства – усыпить больное животное» [25]. Используемые метафоры призывают аудиторию быть бдительнее, а также высмеивают действия европейских лидеров, представляя их как нерациональные и неадекватные.

Предметные метафорические инвективы реализуются Д.А. Медведевым через использование предметных аналогий. Автор наделяет оппонентов негативными качествами: «Протухшая ливерная колбаса Шольц неожиданно разговорился и понёс откровенную пургу»; «Спустя всего несколько недель после введения «адских» санкций против России ожидаемо выяснилось, что они возвращаются на Запад бумерангом» [25].

Метафорические инвективы еды позволяют Д.А. Медведеву формировать деструктивный образ оппонентов: «Не даст опухнуть от голода всем казнокрадам, которые делят западное бабло»; «Но у Трампа есть одно полезное для нас качество: как бизнесмен до мозга костей, он смертельно не

любит тратить деньги на разных прихлебателей» [25]. В данных примерах метафоры подчеркивают зависимость экономической политики Украины от западной финансовой помощи. Посредством этих метафор автор усиливает критику, что указывает на несамостоятельность Украины.

С помощью милитаристских метафорических инвектив Д.А. Медведев характеризует внешнюю враждебную политику Запада: *«нынешнее поколение европейских политиков хочет затащить войну на свою территорию»* [25]. В вышеописанных примерах автор акцентирует внимание читателя на некомпетентности и агрессивности европейских лидеров, неизбежности раздела Украины, корыстных мотивах США и зависимости украинской власти.

Использование метафорических инвектив игры связано с умалением и дискредитацией личности адресата и эмоционального давления на него: *«А поддержка дрессированных политических карликов Пиндостана с помощью «цветных революций» возобновится под барабанную дробь национальных интересов США»*; *«Трамп впервые сказал кокаиновому клоуну правду в лицо»* [25]. В приведенных метафорах Д.А. Медведева можно увидеть связь политических деятелей с карликами или клоунами, которые лишены самостоятельности и достоинства. Естественно, такие выражения несут дискредитирующий эффект и вызывают определенный эмоциональный отклик у аудитории.

Говоря о стратегии дискредитации, необходимо отметить, что в телеграм-канале Д.А. Медведева она часто основывается на псевдосоциальной оценочности, когда в центре внимания оказывается не само социально значимое событие, а личность субъекта речи, причем оценка его деятельности происходит через призму узкопрофессиональных или групповых интересов, выдаваемых за общественные. Другими словами, стратегия дискредитации, реализуемая в телеграм-канале Д.А. Медведева, во многом соответствует характеристикам «деструктивной оценочности», которая «не предполагает диалога, чаще всего позиция автора – это монолог, нередко обладающий признаками агрессии (стратегии на понижение образа субъекта речи)» [68,

с. 31-39] и направлена на создание «крайне отрицательного образа субъекта речи, часто через использование разнообразных приемов и тропов (гипербола, иносказание)» [68, с. 31-39].

Помимо метафорических конструкций, в телеграм-канале Д.А. Медведева широко применяются иронические замечания, намеки, а также бранная лексика, усиливающие эмоциональное воздействие и дискредитацию оппонентов. Использование окказионализмов «способствует более краткому и образному выражению мысли, позволяет добиться оригинальности высказывания, непредсказуемости, более ярко характеризует отношение автора, провоцирует воспринимающего на вступление в диалог и даже полемику, выполняя роль средства персуазивности в коммуникативной стратегии политического дискурса» [56].

Важно отметить, что для Д.А. Медведева характерно использование деструктивных метафор, которые формируются на базе слов, имеющих деструктивные семы в структуре исходного значения, например: *«Садистское лечение экономики Украины будет проходить постепенно. Сначала – это ампутация промышленности и аграрного сектора. Затем паралич экономики в целом. Ну а после – органическая гибель остатков самой страны»* [25]. Также автором используются метафоры, первоначально не обладающие оттенком деструкции, но приобретающие отрицательные коннотации в контексте [75].

Однако наиболее агрессивными метафорами Е.В. Щеникова и Е.В. Вологина считают антиэстетические метафоры, поскольку «антиэстетизм они приобретают прежде всего за счет своего крайнего натурализма» [75] и служат целям речевой агрессии: *«Примеры трупного разложения мозгов западных политиков появляются каждый день»; «Потом его неаппетитные останки с рефлекторно дёргающимися ножками просто смывают в унитаз»* [25].

Для достижения максимального эффекта, в телеграм-канале Д.А. Медведева часто используются различные тактики, направленные на реализацию инвективной стратегии.

Рассмотрим классификацию О.С. Иссерс [30], в которой выделяется несколько тактик:

- прямое оскорбление: негативная характеристика личности или отрицательная оценка через намек («отставной дурак», «инфантильные дебилы», «больной старик» [25]);

- навешивание ярлыков: создание общего негативного впечатления об объекте через сравнение внешних данных с чем-либо или выделение только отрицательных качеств («Сделал это застенчиво, как голубой воршика Альхен в «12 стульях», «Доморощенные аналитики «из бывших», которые расплодились, словно вши» [25]);

- косвенное оскорбление: создание для говорящего желательных ассоциаций и сравнений, часто с использованием метафор и аллюзий («Урсула Гертруда фон дер Ляйен. 65 лет. Недобрая бельгийско-немецкая политическая бабка. Внешне похожа на волжскую воблю среднего размера» [25]);

- развенчание притязаний: интерпретация высказываний, содержащих скрытые семантические компоненты, использование устаревших разговорных слов или лексических единиц с положительной коннотацией в несоответствующем контексте [30]. Примером такой тактики может послужить цитата: «Выступать небритым на камеру и нести ахинею с горящими от стимуляторов глазами» [25].

В телеграм-канале Д.А. Медведева можно встретить примеры использования всех этих тактик для дискредитации политических оппонентов.

Помимо использования отдельных речевых тактик, для реализации инвективной стратегии важен общий характер дискурса, который, как правило, носит агрессивный и конфронтационный характер. К.Ф. Седов выделяет тринадцать агрессивных субжанров (речевых актов, тактик), к которым

добавляет четырнадцатую – тактику агрессивного молчания [57]. Данные тактики речевой агрессии часто реализуются через использование метафор, создающих у аудитории ощущение угрозы, оскорбления, насмешки, колкости, злонамеренности, злопожелания или возмущения [57].

На основе классификации К.Ф. Седова [57], нами были выделены группы метафор по видам речевой агрессии:

– тактика угрозы. В данной тактике метафоры выражают неизбежное возмездие или расплату: *«При определённых обстоятельствах ответ за такое полетит не только в Киев»*; *«Если Запад не осознает эту нехитрую истину – всем конец»* [25];

– тактика оскорбления (инвективы). Её использование связано с созданием уничижительных и дегуманизированных образов оппонентов: *«отбитые мозги»*; *«пишек заплёванной Польши»*; *«отставной дурак»*; *«иностранные отморозки»*; *«тупоголовые»* [25];

– тактика насмешки. В основе тактики лежат ироничные метафоры, целью которых является высмеивание и обесценивание: *«Франция под руководством Макрона деградировала до уровня продажной девки»*; *«Словесный энурез в его возрасте опасен»* [25];

– тактика колкости. Метафорические конструкции, реализующие данную тактику, отличаются язвительностью и призывают выразить презрение или осмеяние: *«Желавший смерти России президент несуществующей страны Латвии»*; *«Недержание речи у Макрона стало затяжной и болезненной проблемой»*; *«Аплодируем меткому плевку из Киева в Варшаву!»* [25];

– тактика злонамеренности. В этом случае метафоры выражают скрытое удовольствие от трудностей оппонентов: *«Какая приятная новость! Ждём еще мирной кончины предприятий Mercedes и BMW»*; *«Захлёбываются лаем, мечтая о разрыве на части тела нашей страны»* [25];

– тактика злопожелания. В данной тактике метафоры выражают пожелания наказания или гибели: *«Хочется, чтобы предатели России сгнили*

в застенке или сдохли в тюрьме»; «Чтобы превратились в больную крысу» [25];

– тактика возмущения. С помощью использования данных метафор, автор подчеркивает свое негодование и презрение к происходящим событиям: *«Франция под руководством Макрона деградировала до уровня продажной девки»; «Позорное фрик-шоу» [25].*

Особенно ярко в телеграм-канале Д.А. Медведева функционируют речевые тактики, выделенные Ван Дейком [18]:

– усиление, направленная на «привлечение и контроль внимания слушающего, а также на подчеркивание субъективной макроинформации» [18]: *«Остаётся пожалеть японцев. Ведь такой позор можно смыть, только совершив по возвращении сеппуку прямо на заседании их кабинета» [25];*

– контраст, которая «привлекает внимание к участникам отношения контраста, подчеркивает положительные и отрицательные оценки людей, их действия или свойства (часто путем противопоставления МЫ – группы и ОНИ – группы) – и все ситуации, где прослеживается конфликт интересов» [18]. Например: *«Нам было не очень ловко макать западников (как и некоторых замаравшихся братьев по бывшему соцлагерю) в их историко-идеологические нечистоты» [25].*

Обе тактики служат для того, чтобы усилить воздействие на аудиторию и сформировать определенное отношение к политическим событиям.

Таким образом, в телеграм-канале Д.А. Медведева широко представлена негативная репрезентация оппонента, которая выражается в систематическом описании отрицательных действий, использовании негативной лексики и применении метафоры. Анализ использования инвективной стратегии в данном канале демонстрирует, что эта стратегия является ключевым инструментом для достижения следующих целей: выражения негативного отношения к оппонентам и формирование их отрицательного имиджа; мобилизации сторонников и укрепления чувства единства среди них; и

усиления эмоционального воздействия на аудиторию для формирования нужного мнения.

Выводы по второй главе.

Анализ публикаций телеграм-канала Д.А. Медведева подтвердил тенденцию к росту как плотности использования метафор, так и количества интенсивных метафор (особенно в 2023 г.), что свидетельствует об усилении экспрессивности и оценочности политического дискурса. Функционирование метафор неразрывно связано со специфическим стилем данного канала, для которого характерны высокая экспрессивность за счет использования разговорной лексики, восклицаний; доминирования иронии и сарказма в качестве средств выражения негативного отношения к оппоненту; активности аргументации.

Доминирующими метафорическими моделями являются антропоморфная и зооморфная, что свидетельствует о стремлении автора к персонификации политических сил и явлений, а также к созданию ярких, эмоционально окрашенных образов для усиления воздействия на аудиторию. Зооморфные метафоры используются Д.А. Медведевым в целях дегуманизации оппонентов, а антропоморфные – для наделения государств и политических сил как положительными, так и отрицательными человеческими качествами. Наименее частотными оказались природные и фитоморфные метафоры, что связано с их меньшей экспрессивностью и способностью вызывать сильный эмоциональный отклик.

Метафорические модели являются важным инструментом в политическом дискурсе Д.А. Медведева и выполняют ряд функций: упрощение сложных политических процессов; выражение оценочного отношения к объектам и явлениям; формирование определенного политического имиджа Д.А. Медведева.

Инвективная стратегия в высказываниях Д.А. Медведевым реализуется посредством широкого спектра зооморфных, антропоморфных, милитаристских, предметных метафорам и метафор болезни/смерти. Для

усиления эффекта инвективности Д.А. Медведев активно использует иронию, намеки, бранную лексику и окказионализмы.

Инвективная стратегия на уровне метафорических конструкций реализуется с помощью следующих речевых тактик: прямого и косвенного оскорбления, навешивания ярлыков и развенчания притязаний, высмеивания, угрозы, злопожелания, злонамерения и других.

Инвективная стратегия в телеграм-канале Д.А. Медведева характеризуется деструктивной оценочностью, агрессивностью, конфронтационностью и направлена на дискредитацию и дегуманизацию политических оппонентов.

Сочетание метафорических моделей с разговорным стилем, иронией и активной аргументацией свидетельствует о стремлении автора создать запоминающийся эмоционально-заряженный контент.

Заключение

Telegram-канал Д.А. Медведева активно используется автором в качестве платформы для прямого взаимодействия с аудиторией, формирования общественного мнения и продвижения определенных политических идей. Стилистической характеристикой данного канала является высокая степень экспрессивности и эмоциональности. В этом контексте метафора выступает в качестве мощного инструмента воздействия, позволяющего автору упрощать сложные концепции, создавать яркие образы и выражать оценочное отношение к происходящим событиям.

Для изучения особенностей функционирования метафоры в телеграм-канале Д.А. Медведева была проанализирована 251 публикация и выделено 198 примеров употребления метафор. В ходе проведенного исследования были получены следующие результаты.

С точки зрения тематической отнесенности образов сравнения анализируемые метафорические конструкции формируют восемь групп:

- антропоморфные метафоры, языковыми репрезентантами которых являются номинации живых существ, их качеств и поведения (*«Полоумная старуха Европа»*, *«просвещённый мир вздрогнул»*);

- метафоры болезни и смерти, репрезентированные деструктивной лексикой, номинациями болезней (*«Гниение ткани западного общества»*, *«режим, который перешёл в стадию посмертного гниения»*, *«руины умирающей экономики бандеровского режима»*);

- зооморфные метафоры, построенные на основе ассоциаций с представителями животного мира, их повадками и качествами (*«Разжиревший паук-лицедей»*, *«слепые кроты»*, *«западный зверинец»*, *«петухи французского руководства»*, *«педикулёзные свиньи»*);

- фитоморфные метафоры, включающие номинации растений, их составных частей (*«Мелкотравчатые наследники»*, *«корни неонацизма»*, *«пожинают горькие плоды спада производства»*);

– природные метафоры, репрезентированные обозначениями природных явлений и процессов (*«политический ландшафт», «пожар мировой революции», «несут лютую и крайне опасную пургу», «Европа бурлит»*);

– метафоры игры, представляющие политических действий и акторов как участников несерьезного, часто абсурдного представления (*«цирк уродов», «марионеточный киевский режим», «американские кукловоды», «провинциальный клоун в зелёном трико»*);

– милитаристские (военные) метафоры, описывающие международные отношения и политическую борьбу как вооруженный конфликт и противостояние (*«развязать войну коллективного Запада с Россией», «стереть Россию с лица земли», «затащить войну на свою территорию»*);

– предметные метафоры, обозначающие людей и процессы как бездушные объекты, инструменты или предметы (*«Дети, женщины, старики – просто расходный материал», «мясокомбинат контрнаступления», «машина взаимного насилия»*).

Выявленные метафорические модели являются средствами реализации инвективной стратегии, связанной с дискредитацией и дегуманизацией политических оппонентов.

Инвективный характер имеют прежде всего деструктивные метафоры, которые формируются на базе слов, имеющих деструктивные семы в структуре исходного значения существительного, глагола, причатия, прилагательного), а также антиэстетические метафоры за счет своего крайнего натурализма: *«Садистское лечение экономики Украины будет проходить постепенно. Сначала – это ампутация промышленности и аграрного сектора. Затем паралич экономики в целом. Ну а после – органическая гибель остатков самой страны»*.

При этом автор активно использует иронию, а также различные речевые тактики, направленные на усиление эмоционального воздействия и достижение максимального эффекта:

– тактика угрозы, которая выражает неизбежность возмездия и негативных последствий (*«При определённых обстоятельствах ответ за такое полетит не только в Киев»; «Если Запад не осознает эту нехитрую истину – всем конец»*);

– тактика оскорбления, использование которой связано с созданием уничижительных и дегуманизированных образов оппонентов (*«отбитые мозги», «пшек заплёванной Польши», «отставной дурак», «иностранные отморозки», «тупоголовые»*);

– тактика насмешки, в основе которой лежит ирония, высмеивание и обесценивание (*«Франция под руководством Макрона деградировала до уровня продажной девки»; «словесный энурез в его возрасте опасен»*);

– тактика колкости, отличающаяся язвительностью и выражающая презрение (*«Желавший смерти России президент несуществующей страны Латвии»; «Недержание речи у Макрона стало затяжной и болезненной проблемой»*);

– тактика злонамеренности, выражающая скрытое удовольствие (*«Ждём еще мирной кончины предприятий Mercedes и BMW»; «Захлёбываются лаем, мечтая о разрыве на части тела нашей страны»*);

– тактика злопожелания, метафоры которой выражают наказание (*«Хочется, чтобы предатели России сгнили в застенке или сдохли в тюрьме»; «Чтобы превратились в больную крысу»*);

– тактика возмущения, подчеркивающая автором свое негодование или презрение (*«Франция под руководством Макрона деградировала до уровня продажной девки»; «Позорное фрик-шоу»*).

Обобщая результаты исследования, можно сделать следующие выводы:

1. Доминирующими метафорическими моделями в телеграм-канале Д.А. Медведева являются антропоморфные и зооморфные метафорические модели, а также метафоры болезни и смерти. Этот выбор свидетельствует о стремлении автора к эмоциональному воздействию на аудиторию, а также к созданию четких и контрастных образов.

2. Инвективная стратегия в телеграм-канале Д.А. Медведева характеризуется деструктивной оценочностью, при которой в центре внимания оказывается не само социально значимое событие, а личность субъекта речи. Нередко использованные метафорические средства характеризуются признаками речевой агрессии, то есть стратегии на понижение образа субъекта речи.

3. Функционирование метафоры в телеграм-канале как цифровом медиадискурсе обусловлено особенностями цифровой политической коммуникации, включая лаконичность, гиперэкспрессивность сообщений в условиях ограниченного времени аудитории и использование дополнительных визуальных элементов для усиления воздействия на восприятие.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Абрамова Д. Т., Ляпакова Н. А. Речевой портрет президента РФ Д. А. Медведева: метафоры и особенности их перевода французскими СМИ // Иностранные языки в контексте культуры : сборник статей : в 2 т. Т. 2. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2010. С. 7–11.
2. Абуева М. С., Темиева М. Х. Метафора как способ манипуляции в политических текстах // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. № 2. С. 229–232.
3. Аверкина Л. А., Базылев В. Н. Оказиональная метафора. Основные понятия немецкоязычного переводоведения : терминологический словарь-справочник. М. : ИНИОН, 2013. 257 с.
4. Ананченко О. Г. Роль негативных оценочных метафор в формировании концепта действительности // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2009. № 3. С. 46–48.
5. Анисимова С. А. Особенности перевода метафор как важной составляющей имиджа политика в политическом дискурсе // Международный студенческий научный вестник. 2015. № 1. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=11969> (дата обращения: 30.05.2025).
6. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1998. 896 с.
7. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора. М. : ИРЯ, 1991. 193 с.
8. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. М. : Помовский и партнеры, 1994. 330 с.
9. Бебик В. М. К проблеме коммуникации и ее функции в государстве // Персонал. 2004. № 3. С. 28–33.

10. Беляков М. В. Интерпретация интертекста в политическом дискурсе // Вестник Московского государственного института международных отношений. 2009. № 6. С. 1–5.
11. Бородулина Н. Ю., Макеева М. Н. Метафорический взрыв в репрезентации греческого кризиса // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 2 (47). С. 49–56.
12. Будаев Э. В. Политическая метафора в лингвокультурологическом аспекте // Аналитика культурологии. 2007. №. 9. С. 28–32.
13. Будаев Э. В. Гендерная специфика политической метафорики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 1. С. 88–92.
14. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зооморфные метафоры как средство дегуманизации образа белорусской милиции в российских СМИ // Язык и культура. 2022. № 60. С. 8–21.
15. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная российская политическая метафорология (2011-2020 гг.) // Филологический класс. 2020. № 2. С. 103–113.
16. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Риторический анализ политической коммуникации в современной зарубежной лингвистике (2010–2018 гг.) // Сибирский филологический журнал. 2019. № 4. С. 187–196.
17. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. М. : Флинта, 2008. 248 с.
18. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск : Борский губернский колледж им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
19. Горностаева А. А. Иронические метафоры в политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. : Лингвистика. 2018. № 1. С. 108–125.
20. Дейнека В. С. Роль метафоры в современном политическом дискурсе // Инновационная наука. 2015. Т. 3. № 5 (5). С. 71–74.
21. Дементьева М. К. Языковые средства выражения оценки в современном российском официальном политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2009. № 30. С. 82–92.

22. Демидов О. В. Инвективные высказывания в речи политического деятеля // Знак: Проблемное поле медиаобразования. 2007. № 1. С. 112–120.
23. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. 2002. № 3. С. 31–44.
24. Денисов Д. А. Идентификация образа врага в политической коммуникации // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2009. № 1. С. 113–126.
25. Дмитрий Медведев: официальный канал в мессенджере Telegram. URL: https://t.me/medvedev_telegram (дата обращения: 30.05.2025).
26. Елизаров А. Б. Образный компонент метафоры в политическом дискурсе (на материале публичных выступлений В. В. Путина) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 5. С. 41–47.
27. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань : Пилигрим, 2010. 486 с.
28. Зазаева Н. Б. Политическая коммуникация : лекция // Философия и общество. 2007. № 4. С. 175–187.
29. Задохин А. Э. Инвективность как коммуникативная стратегия текстов-комментариев в англоязычном персональном интернет-дискурсе // Вестник Международного института рынка. 2023. № 2. С. 127–134.
30. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 8-е, испр. и доп. М. : Ленанд, 2017. 308 с.
31. Русский язык : энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. М. : Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. 721 с.
32. Кассирер Э. Сила метафоры // Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журинской. М. : Прогресс, 1990. С. 33–43.
33. Климова О. А. Политическая метафора в выступлениях членов Госдумы XX и XXI вв. // Исследования в контексте профессиональной коммуникации: коллективная монография. Тамбов : Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, 2014. С. 149–156.

34. Кобозева И. М. Лексико-семантические заметки о метафоре в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2010. № 2. С. 41–46.
35. Кобозева И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2001. № 6. С. 132–149.
36. Кузьмина С. В. Политический дискурс как неотъемлемая часть политической коммуникации // Известия Саратовского университета: Новая серия : Социология. Политология. 2011. № 2. Т. 11. С. 54–56.
37. Кураш С. Б., Ааматов А. М., Свищёв Г. В. Военная метафора в политическом дискурсе: тактика и стратегия // Научный результат : Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. № 2. С. 12–20.
38. Кучина Д. Д. Роль метафор в реализации инвективы в жанре «интернет-комментарий» (на материале немецкого языка) // Дискурс профессиональной коммуникации. 2023. № 5. С. 61–75.
39. Ларцина С. В. Статистический анализ метафорического содержания Telegram-канала Д. А. Медведева // Вопросы современной филологии и проблемы методики обучения языкам : сборник научных материалов. Брянск : Брянский государственный инженерно-технологический университет, 2023. С. 31–36.
40. Лингвистический энциклопедический словарь / под. ред. В. Н. Ярцевой. М. : Советская энциклопедия, 1990. 683 с.
41. Лобас П. П. Метафора в политическом дискурсе как средство убеждения и манипулирования // Научная мысль Кавказа. 2009. № 4 (60). С. 101–106.
42. Макарова О. С. Феномен метафоры в политическом аспекте (на материале текстов интервью Х. Л. Зеэхофера) // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2021. № 3 (42). С. 198–207.
43. Маслова В. А. Лингвокультурология. М. : Академия, 2001. 208 с.
44. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону : Феникс, 2010. 562 с.

45. Михайлова А. И. Метафора как способ выражения и импликации вербальной агрессии (на материале отечественного рок-дискурса) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2021. № 1 (30). С. 77–80.
46. Михалёва О. Л. Политический дискурс. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.
47. Москвин В. П. О подходах к определению понятия троп // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2013. № 2. С. 20–31.
48. Москвин В. П. Русская метафора: очерк семиотической теории. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : ЛЕНАНД, 2006. 182 с.
49. Москвин В. П. Русская метафора: параметры классификации // Филологические науки. 2000. № 2. С. 66–74.
50. Нартикова З. А. Лингвокогнитивный анализ прагматического потенциала метафоры в аргументации политического дискурса (на примере выступлений лидеров политической и экономической сферы России и США) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. № 1. С. 191–203.
51. Нигматуллина Э. Р. Основные функции метафоры, сопряженной с эмотивом, в тексте политических мемуаров // Язык. Культура. Коммуникация : сборник научных трудов. Орел : Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева, 2023. С. 184–188.
52. Ницше Ф. Философия в трагическую эпоху. М. : REFL-book, 1994. 416 с.
53. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журинской. М. : Прогресс, 1990. С. 68–81.
54. Патюкова Р. В. Публичная коммуникация в дискурсе американской политической элиты. Краснодар : Кубанский государственный университет, 2009. 487 с.
55. Рассинская О. В. Речевые особенности политической коммуникации // Молодой ученый. 2015. № 1. С. 412–413.

56. Рябова Т. В. Роль окказионализмов в политическом дискурсе (стратегии на понижение) // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 11. С. 175–178.

57. Седов К. Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика. М. : Издательский Дом ЯСК, 2016. 439 с.

58. Серебрякова А. Ю. Виды инвективной лексики в медийном дискурсе // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 4. С. 42–46.

59. Складневская Г. Н. Метафора в системе языка. М. : Наука, 1993. 152 с.

60. Словарь русского языка : в 4-х т. Т. 2. К - О / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М. : Русский язык, 1986. 736 с.

61. Стратийчук Е. Ю., Скрыга М. И. Особенности метафоры в политическом тексте // Фундаментальные и прикладные исследования : проблемы и результаты. 2015. № 20. С. 136–140.

62. Суворова А. Ю. Политические коммуникации: сущность, структура и современные тенденции развития // Государственная служба. 2017. № 6. С. 105–109.

63. Телия В. Н. Метафора в языке и тексте. М. : Наука, 1988. 176 с.

64. Тимерманис И. Е. Политология : учебник для бакалавров. М. : Юрайт, 2016. 701 с.

65. Тимерманис И. Е., Евсеева Л. И., Шипунова О. Д. Коммуникативное пространство легитимации политической системы в условиях сетевого общества // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2015. № 6. С. 26–35.

66. Туралина Н. А., Никитенко Л. И. Метафора и метафорический контекст в женской поэзии начала XX в. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 7. С. 109–112.

67. Хубецова З. Ф. Политическая коммуникация. Теория, образование, опыт : учеб. пособие в 2 ч. Ч. 1 / под ред. С. Г. Корконосенко. М. : Смелый дизайнер, 2017. 142 с.

68. Чернышова Т. В. Типологические признаки речевого жанра дискредитации в медиадискурсе // Филология и человек. 2014. № 1. С. 31–39.
69. Чудинов А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. № 2. С. 53–59.
70. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. М. : Флинта ; Наука, 2006. 254 с.
71. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : монография. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2003. 248 с.
72. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры : монография. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2001. 238 с.
73. Шарифуллин Б. Я. Языковая агрессия и языковое насилие в свете юрислингвистики // Юрислингвистика. 2004. № 5. С. 120–131.
74. Шарков Ф. И. Политическая коммуникация в современном информационном обществе // PolitBook. 2012. № 2. С. 121–130.
75. Щеникова Е. В., Вологина Е. В. Средства речевой агрессии в публицистике Захара Прилепина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. : Филология. 2014. № 6. С. 249–256.
76. Dijk T. A. Discourse and Power. New York : Palgrave Macmillan, 2008. 308 p.
77. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago : London, 1980. 242 p.
78. Landau M. J., Keefer L. A. The persuasive power of political metaphors // Social psychology and politics. New York : Psychology Press, 2015. Pp. 145–158.
79. Musolff A., Zinken J. Metaphor and Political Discourse. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2009. 280 p.
80. Newmark P. A. Textbook of Translation. Harlow : Longman, 2005. 292 p.